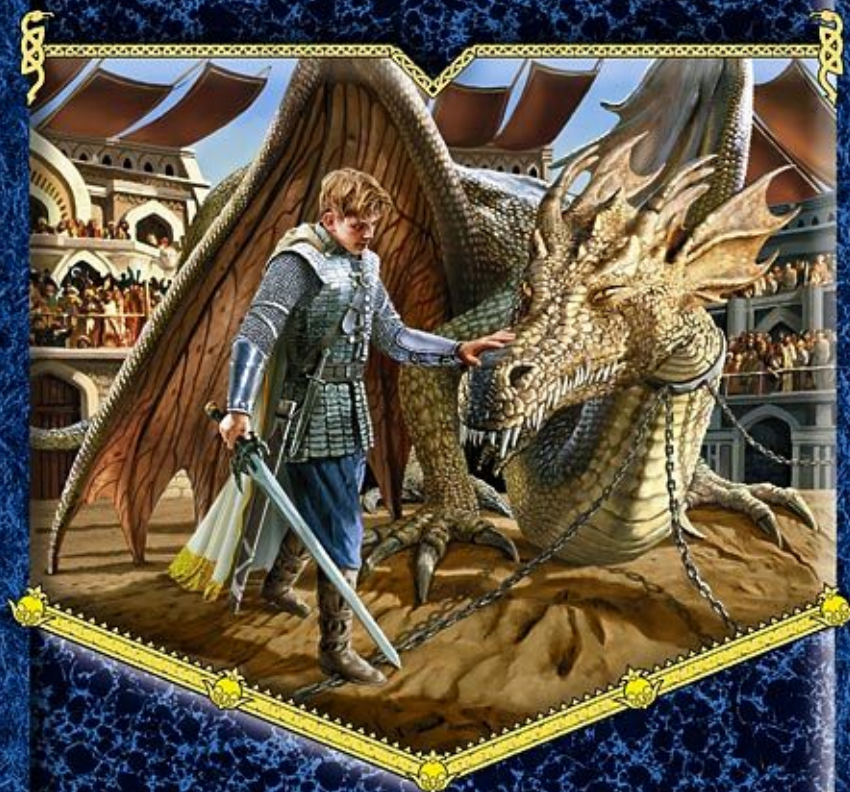

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Галина РОМАНОВА

СВОЙ ДРАКОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Галина Львовна Романова

Свой дракон

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3524375
Свой дракон: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1205-1

Аннотация

Раз в двенадцать лет небеса темнеют от закрывающих солнце перепончатых крыльев. Раз в двенадцать лет орды огнедышащих чудовищ с северных гор атакуют равнины, сея смерть и разрушение. Раз в двенадцать лет наступает Год Дракона – новый виток нескончаемой войны. В постоянной готовности к сражениям Орден Драконоборцев в закрытой школе учит юношей сражаться с драконами. В один прекрасный день порог обители переступает юный рыцарь Готик. Ему предстоит узнать много нового не только о себе, но и об извечных врагах человечества – драконах. И понять, что не все так просто.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	26
Глава 3	42
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Галина Романова

Свой дракон

Пролог

Больше всего Готику нравился этот старый кабинет деда – на вершине донжона, выше всех комнат замка. К нему надо было подниматься по спирально закрученной лестнице и, затаив дыхание, рассматривать зарубки на старых камнях стен. Не раз и не два замок брали штурмом враги; последний раз это случилось, когда Готик был еще мал и, по традиции, в семилетнем возрасте был отдан в пажи одному из дедовых вассалов. Его не было в замке, когда туда после двухнедельной осады ворвались захватчики, и он не видел последнюю битву. Оборонявшиеся – оставшиеся в живых полтора десятка рыцарей, несколько оруженосцев и пеших воинов во главе с отцом и дедом – отступали тут, отдавая ступеньку за ступенькой и щедро поливая их своей и чужой кровью. На камнях стен до сих пор остались следы от мечей нападавших и защитников, и Готик всякий раз гадал, в каком месте могла быть та самая зарубка – куда мог попасть тот удар, который оборвал жизнь его отца. Тот сражался до последнего, защищая свою жену, мать и детей – двух сестер самого Готика, старшую и младшую, и брата, который только должен был родиться. Если бы не самоотверженность отца, деда и остальных воинов, все укрывшиеся в кабинете женщины и дети были бы убиты... Или нет, враги наверняка пощадили бы старшую сестру Готика, которой исполнилось девять лет. Ее бы в спешном порядке выдали замуж за сына или племянника предводителя нападавших, чтобы закрепить «законность» свершившегося деяния. Перед брачным документом, заверенным священниками, был бессилён даже король – и плевать, что подписан сей контракт будет кровью убитых родных несчастной невесты!

Но тот бой все-таки закончился победой. Потеряв в битве почти всех воинов, дед Готика сумел как-то отбросить нападавших. Измученные защитники замка получили краткую – в несколько часов – передышку, а тем временем подросли на помощь войска дедова вассала, того самого, в чьем замке рос Готик. Семилетнего мальчика не взяли с собой в бой из опасения потерять наследника имени и титула. Он не присутствовал и на похоронах отца, но через несколько недель после бойни предстал перед королем, требуя справедливости. Подобные нападения соседей друг на друга ослабляли страну, король сурово карал зачинщиков, тем более что нападение произошло в первой трети нового цикла. Напавший на замок барон был вынужден заплатить огромную контрибуцию, а его четырехлетняя дочь стала заложницей в замке. Когда девочке исполнится четырнадцать, ее обвенчают с Готиком, дабы окончательно положить конец вражде.

Но юноша сейчас не думал о женитьбе – свадьба для него, шестнадцатилетнего, представлялась чем-то далеким и незначительным по сравнению с тем, ради чего он спешил сейчас по вытертым ступеням в кабинет деда.

Он редко бывал тут, с семи лет и до недавнего времени юноша много времени проводил вне дома. Первые пять лет он воспитывался в качестве пажа у одного из дедовых вассалов. Потом стал оруженосцем и еще четыре года практически не видел родных стен. Лишь трижды в год его отпускали к родным на короткую побывку. И всего однажды он задержался надолго – когда выдавали замуж его старшую сестру. Как старшая дочь своих родителей, она выходила замуж за потомка боковой ветви властителей Айнских. Случилось это чуть больше года тому назад.

Добравшись до заветной двери – до двери, в которую *ни разу* не входили посторонние! – Готик невольно задержал дыхание, прежде чем постучать. Несмотря на то что был

наследником замка, юноша не был уверен в том, что ему вообще можно тут находиться. Этот кабинет был святая святых его деда, а до него – прадеда, прапрадеда и вообще всех мужчин рода.

– Входи, – послышался знакомый голос еще до того, как кулак юноши ударил в дубовые створки.

Переступив порог, Готик огляделся по сторонам, как будто впервые. С тех пор, как он был здесь последний раз, в кабинете ничего не изменилось.

Узкие окна, ориентированные по четырем сторонам света, не рассеивали полумрак, так что возле стола стояли два высоких подсвечника. В центре комнаты располагалась жаровня с углями – в любую погоду там над горкой углей клубился дымок. Несколько стеллажей с книгами делили просторную комнату на части. Книг тут было много, за всю жизнь юноша не видел нигде столько книг, толстых, в кожаных и деревянных переплетах, окованных бронзой и медью. Среди книг лежали свитки, перетянутые шнурками, и просто кипы пергаментов, выровненные по размеру. Вдоль стен тут и там стояли сундуки. Сколько себя помнил юноша, они всегда были плотно закрыты. На стенах висели головы животных со стеклянными глазами, старинное оружие и шкуры.

– Проходи.

Готик сделал несколько шагов вперед. Дед стоял за конторкой и что-то писал на закрепленном наклонно листе пергамента. Возле стола стояли кресло и два стула, на один из которых он и указал внуку, на миг оторвавшись от дела:

– Присядь. Я сейчас закончу.

Послушный юноша опустился на краешек кожаной обивки. Заваленный всякой всячиной стол сам по себе притягивал любопытные взоры, но сейчас все внимание его захватил свиток, лежавший сверху. К нему двухцветным шнурком была прикреплена большая печать. Она была надломана – дед уже прочел свиток. С бьющимся сердцем Готик понял, что это – его судьба.

– Ну вот. – Дописав последнюю букву, дед повернулся к внуку. – Теперь мы можем поговорить... об этом, – добавил он, кивком головы указав на свиток. – Ты ведь догадываешься, что это такое?

Юноша кивнул.

– Это большая честь и немалая ответственность для тебя и всего нашего рода, – продолжал дед. – Попасть в Школу очень сложно. Желających много, мест мало. Наставники всегда отбирают самых достойных, и не всегда это бывают дети из знатных семей. Младший брат нашего короля *трижды* – заметь, принц крови *трижды*! – подавал прошение, но его так и не приняли. Тебе повезло, тебя принимают в Школу с первого раза.

– В Школу? – не выдержав, вскричал Готик. – Меня?

– Да. Тебе уже исполнилось шестнадцать, но еще нет двадцати одного года. Ты вполне подходишь по возрасту. И твое заявление – то есть мое заявление, написанное от твоего имени, – было рассмотрено наставниками и одобрено. Я уже отдал управляющему все необходимые распоряжения. Через три дня ты отправишься в Школу... мой внук.

Голос его предательски дрогнул при этих словах, и старый рыцарь поспешил отвернуться, чтобы юноша не видел его лица.

Выждав паузу, Готик протянул руку и взял свиток. Он развернулся с тихим шуршанием. Стройные ряды букв слагались в слова:

«Зачислить... в ряды Школы Драконоборцев... Готика Арвальда, баронета Дольского...»

– Неужели это правда? – Голос предательски дрогнул. Еще несколько дней назад юноша всерьез гордился тем, что у него начинает появляться солидный мужской баритон, и вот сейчас он внезапно пустил петуха.

– Правда, внук. – Дед встал, прошел к увешанной оружием стене. – Надеюсь, ты понимаешь, какая честь оказана всему нашему семейству?

– О да, – только и смог вымолвить юноша. Даже если ему суждено будет погибнуть – а почти половина выпускников Школы не доживает до тридцати лет! – его имя навсегда останется в анналах рода. И младший брат, когда у него родится сын, назовет малыша Готиком именно в честь прославленного родственника.

Стать драконоборцем была честь, привилегия и огромная ответственность. Ибо драконы были неотъемлемой частью жизни. Столь же реальные, как небо над головой и земля под ногами, они были врагами, перед которыми трепетали все. История мира практически представляла собой историю взаимоотношения людей и этих существ. И вступить в Школу Драконоборцев означало вписать в нее свое имя.

За много лиг от этого места, практически в ту же минуту

Авест осторожно опустился на площадку перед входом в пещеру Старого, потоптался немного, привыкая, и, опустив голову, стал протискиваться внутрь. Вход был узок, а Авест за последний год резко вырос. Какое-то время бывший самым маленьким, он в короткий срок сравнялся ростом и сложением с большинством сверстников, а кое-кого и перерос, что сразу заткнуло рты всем насмешникам племени.

Ход в пещеру Старого был таким узким, что оставалось лишь удивляться, как сам Старый мог из него выбираться. Разве что где-то в скалах есть проход, которым он пользовался, но выросший в этих горах Авест был уверен, что знает окрестности назубок и нигде не замечал запасного отверстия. Разве что Старый обладает редкой способностью просачиваться сквозь скалы?

Трудно было ползти только первые несколько шагов. Потом ход расширился настолько, что посетитель сперва смог поднять голову, а потом и выпрямиться окончательно.

В пещере Старого было темно, но Авест отлично видел во мраке. Сотворить небольшой огненный шарик оказалось плевым делом. Тот взлетел под потолок, озарив мрачные и торжественные своды. В отличие от остальных жилых пещер, обстановка тут была скромной и даже скудной.

«Ты пришел...»

Огненный шар осветил громадную тень в дальнем углу. Старый шагнул вперед, позволив юному посетителю увидеть себя во всей красе.

«Я ждал тебя».

Тусклый бесцветный голос не мог принадлежать этому могучему магу, перед силой которого меркли даже способности Хуррака, нынешнего вождя племени. Все знали, что Старый мог бы легко стать новым вождем, не дав Хурраку, самому молодому из претендентов, даже подумать о власти. Но не стал бороться, уступив именно Хурраку, который после смерти предыдущего вождя мог претендовать на власть в клане лишь при одном условии: если кто-то из более старших и достойных сам, добровольно, в присутствии остальных, не откажется от борьбы в его пользу. Старый так и поступил – и обеспечил клану на многие годы молодого, сильного, решительного и умного вождя.

«Я пришел, учитель». – Авест почтительно склонил голову, признавая авторитет и силу собеседника.

«Ты знаешь, зачем я призывал тебя?»

«Да, учитель. На меня пал выбор старейшин...»

«Да. – Старый приблизился, коснулся лба своего ученика жестом, который можно было назвать ласковым. – Ты – избранный. Знаешь, что теперь с тобой будет?»

«Меня принесут в жертву».

Голос был спокоен, и Старый осторожно коснулся разума своего ученика. Ни тени смятения или страха. Только спокойствие и молчаливое ожидание. Какая сила воли!

«А ты знаешь, почему они избрали именно тебя?»

«Знаю. – Авест поднял до этого устремленный в пол взгляд. – Я – сын вождя и должен пожертвовать собой ради безопасности нашего племени. И я старший сын своего отца, кроме меня, у него есть наследник, значит, род Хуррака не прервется с моей гибелью».

«Ты знаешь, что тебе предстоит?»

«Да».

И снова в сознании лишь спокойствие. Ни тени страха или сомнения.

«Ты не боишься?» – все-таки поинтересовался Старый.

«А смысл? – В голосе промелькнула улыбка, тенью скользнула в чуть прищуренных глазах. – Умирать в страхе – это недостойно. Это значит усомниться в том, что взрослые приняли правильное решение, положившись на меня. Это значит подвести свое племя».

«Ты готов?»

«Да».

Взгляды их встретились...

«Еще есть время, – первым прервав контакт, промолвил Старый. – Из этой пещеры есть несколько выходов. Найди себе подходящий уголок и отдохни, наберись сил».

Почтительно поклонившись, Авест направился к одному из темнеющих в стене ходов, нырнув в него.

Когда он скрылся из вида, Старый стряхнул маску спокойствия и благодушия и с яростью топнул ногой. В сознании сына вождя он прочел достаточно для того, чтобы негодовать и злиться. Ум, честь, благородство, мудрость, решительность – там было все, что нужно для того, чтобы стать новым вождем. И все это обречено на гибель.

Три недели назад

Чеканя шаг, высокий плечистый рыцарь шагал по дворцу, и грохот его шагов эхом отдавался под потолком и заставлял дрожать витражи. При одном взгляде на его резкое, мужественное, словно вырубленное из камня лицо сердца придворных дам начинали биться чаще. Не одна красавица столицы – да и всей страны, коли на то пошло, мечтала о том, чтобы прославленный рыцарь хоть раз в жизни одарил ее благосклонным взглядом. Многие женщины мечтали отдаться мужественному воину, некоторым это удавалось, что только подстегивало остальных. Куда бы ни пошел сэр Лаймож, всюду его сопровождали внимательные и томные женские взгляды.

Но сегодня ему было не до красавиц двора и столицы – да пусть хоть сама королева возжелает разделить с ним ложе. Чеканя шаг, раздувая крылья прямого породистого носа, сэр Лаймож, приор и новоявленный гроссмейстер, спешил к королю. И все, кто хоть немного его знал, спешили убраться с его пути куда подальше.

Рыцарь был в ярости, и клекотавшее в нем чувство нашло выход в резком рывке, когда он с усилием распахнул двери королевского кабинета.

Его величество Нерит Айнский, о чем-то беседовавший с советниками, поднял голову:

– В чем дело?

– Ваше величество, это правда? – загрохотал подкованными сапогами по мозаичному полу сэр Лаймож. – Я только что получил приказ: меня отзывают с границы... Скажите, что это ошибка! И на место гроссмейстера не назначили этого молокососа Руйера!

Почти две дюжины лет отдавший войне, сэр Лаймож редко выходил из себя, считая, что неумение держать себя в руках позорно для воина, ведь в битве особенно важно сохранить ясную голову. Но уж когда сие происходило, не стеснялся в поступках и выражениях.

– Сэр Руйер – прекрасный воин и ваш собрат по Ордену, – спокойно произнес король. – Не вы ли сами с восхищением отзывались о его воинском искусстве и опыте?

– Воинское искусство ничего не значит, когда дело доходит до принятия решений! – загрохотал бас рыцаря. – Настала последняя треть цикла! Вы разве забыли, что это означает?

– Я это прекрасно помню, – кивнул король Нерит.

– И в такое время вы хотите отстранить меня от армии? – загремел сэр Лаймож. – Запереть в четырех стенах, отправить в монастырь?

Кто-то из советников усмехнулся этому сравнению.

– Сэр, я прекрасно знаю, какое наступает время, – спокойно произнес король. – И, отправляя вас, как вы выражаетесь, в монастырь, забочусь о благе государства и мира в целом. Школа Дракоборцев, из стен которой в свое время вышли вы сами, очень престижное заведение. Попасть туда – немалая честь. – Он невольно поджал губы, вспоминая, как его собственный младший брат трижды подряд подавал прошение о зачислении его в дракоборцы. В первый раз прошение отклонили, не объясняя причин. Во второй раз гонец коротко ответил, что есть и более достойные. На третий раз упрямому принцу предложили пройти испытания, но «срезали» уже на втором этапе, рекомендовав попытать счастья в следующий набор. Шутка жестокая и циничная, ибо сейчас принцу было почти тридцать лет, а в этом возрасте поступить в Школу было почти нереально.

– Честь, но...

– Наступает время перемен. – Король не позволил сэру Лайможу возразить. – И мы считаем, что только вы способны в этот важный и ответственный час возглавить Школу, особенно наследуя такому человеку, как магистр Отинур.

При этом известии суровое лицо прославленного рыцаря окаменело окончательно. Упомянутый сэр Отинур был гроссмейстером последние тридцать шесть лет, возглавив Орден сразу после трагической кончины своего предшественника. Двенадцать лет спустя именно он разглядел среди толпы очередных кандидатов будущего знатного дракоборца, юного Лайможа.

– И все-таки, ваше величество, – рыцарь не привык сдаваться так легко, – я вынужден отказаться. Я – воин. Мне некогда менять свои привычки и возиться с сопляками...

– Достаточно! – В голосе короля послышался металл. – Наше решение окончательное. И помните: я жду от вас перемен и решительных действий!

Глава 1

Самый первый день

Конец лета

Готик навсегда запомнил свой первый день в Школе Драконоборцев.

Проснувшись задолго до рассвета в своей небольшой комнатке, он по привычке выскочил во двор, дабы с остальными пажми и оруженосцами приступить к исполнению своих обязанностей, но был решительно остановлен старым конюхом.

– Нечего вам тут ходить, молодой господин, – проворчал он, заступая юноше дорогу. – Успеете еще своего меринка обиходить. Да и почистил я его уже, и ячменя свежего засыпал. Ступайте себе на кухню!

Явившись туда, Готик с порога был атакован кухаркой.

– Присядьте, молодой господин. – Вечно усталая женщина с красными то ли от слез, то ли от дыма глазами указала ему на скамью. – Сейчас молока свежего налью.

– Я хотел... – начал было юноша, и кухарка всплеснула руками:

– Ой, что это я, в самом деле? Вам ведь, как мужчине, не положено! Посидите пока, я скоренько...

Она куда-то метнулась и вернулась с кружкой домашней наливки, которую с почтением поставила перед юношей на стол и, сложив руки на переднике, смотрела, как он пьет. Впрочем, это не помешало ей минуту спустя уже замахнуться полотенцем на поваренка, который замешкался и забыл свои обязанности. А присоединившиеся некоторое время спустя остальные пажи и оруженосцы вместо воды и тем более молока удостоились от нее лишь ворчливых замечаний:

– Ишь, сони! Дрыхнут до полудня, а потом еще чего-то требуют... Берите пример с господина Готика, вот уж ранняя пташка! Сразу видно – настоящий мужчина, не любит зазря бока на перинах пролеживать. Катитесь отсюда! У меня много работы. А вы, молодой господин, – это относилось к самому Готику, – сидите, пейте себе. Торопиться вам некуда.

Странности на этом не кончились. Барон Нианский, его сюзерен, у которого юноша служил сперва пажом, а потом оруженосцем, и в чьем доме жил, когда прибыл в столицу, сперва повел его в торговые ряды, где было куплено новое седло, сапоги, справлены ножны и перевязь для меча и кое-какие мелочи. После чего барон лично проводил его до ворот расположенного за городом монастыря.

Ехать было недалеко – грозные стены обители Ордена Драконоборцев находились от городских предместий на расстоянии в три полета стрелы¹. С двух сторон монастырь окружали пастбища и луга для лошадей, с двух – пашни. По лугам и межам тянулись тропы до реки и деревень, где жили монастырские сервы².

Перед тем как проститься, старый воин склонился с седла и обнял своего воспитанника.

– Это великая честь, сэр Готик, – промолвил он дрогнувшим голосом. – Постарайтесь быть достойным выпавшей на вашу долю судьбы... Подумать только, – вздохнул он, – я учил будущего драконоборца! Завидую вам. Ваш отец гордился бы таким сыном!

Юноша сдержанно кивнул. Сказать по правде, он волновался настолько, что сейчас был не в состоянии говорить.

¹ Полет стрелы – примерно 200 метров.

² **Сервы** – крепостные крестьяне. Жили на пожалованной им земле и не могли самостоятельно с нее уйти. В отличие от них, вилланы были более свободны.

Тесовые ворота, на которых были изображены два поверженных дракона, возвышались перед ним. Совсем недавно, каких-то несколько минут назад, когда Готик только подъезжал, они уже открывались, пропуская еще двух юношей, но успели закрыться снова. Монастырь Школы Драконоборцев стоял за широким рвом, заполненным водой. Мост защищал каменный барбакан³, почти полностью закрывавший обзор.

– Ну, храни вас Создатель! – Барон благословил своего теперь уже бывшего оруженосца. Два пажа, мальчишки восьми и десяти лет, смотрели на юношу с плохо скрываемым восхищением и завистью – следующий набор произойдет только через двенадцать лет и даст шанс лишь одному из них, младшему.

Готик рассчитывал, что его воспитатель последует за ним к башне, но старый барон лишь махнул рукой и, повернув коня, поскакал прочь. Проводив его взглядом, юноша тронул шпорами бока коня, подъезжая к воротам.

– Кто?

Гулкий голос доносился откуда-то сверху, но, сколько Готик ни всматривался, он не мог заметить его источника.

– Готик Арвальд, баронет Дольский! – крикнул он. – Мне прислали приглашение...

– Покажи.

Юноша полез за пазуху, доставая свернутый в трубочку пергамент и разворачивая его одной рукой. Упавший откуда-то сверху лучик коснулся печати, и та вспыхнула, мгновенно превратившись в черное пятно. Несколько секунд – и пергамент начал тлеть, на глазах рассыпаясь пеплом. Последний клочок выпал из руки и дотлел уже в дорожной пыли.

– Проезжай!

Створки ворот стали со скрипом разъезжаться в разные стороны. За ними обнаружилась чугунная решетка, которая неспешно поползла вверх. Когда образовался проем, достаточный для того, чтобы прошел человек, ведущий лошадь в поводу, ворота и решетка остановились. Пришлось спешиться и дальше весь путь проделать на своих двоих.

Едва он ступил на подъемный мост, сзади послышался натужный скрип. Готик быстро обернулся – решетка и половинки ворот занимали свои места. Они двигались как бы сами по себе, ни одного человека не было заметно поблизости, никто не крутил ворот, не налегал на створки. «Магия!» – догадался юноша.

В полном одиночестве, если не считать своего коня, Готик пересек мост и прошел под арку второй башни, точной копии первой, сразу очутившись на широком плацу, вытоптанном до твердости камня. Здесь даже подковы тяжелых рыцарских коней не оставляли следов.

Справа и слева возвышались мрачные здания – жилые и учебные корпуса. В глубине виднелось еще одно строение – собор, узнаваемый по шпилям и остроконечным кровлям. Из-за корпусов выглядывали другие здания – приземистые, сложенные из массивных камней – казармы, конюшни, кладовые, кухни. Кроме Готика тут оказалось еще несколько юношей, тех самых, прибывших чуть раньше.

Осмотреться как следует не дали – какой-то рыцарь мигом оказался рядом.

– Новенькие? – деловым тоном осведомился он. – Чего застыли? Ставьте коней во-он там, – он указал рукой, – и живо на плац.

– Простите, вы не подскажете... мое письмо там сгорело у ворот, и я не знаю, – начал было Готик, но его решительно остановили:

– Потом! Все потом! Не дай бог тебе опоздать на первое построение! Вот беда с этими провинциалами...

Юноша вспыхнул – его еще никто так не называл! – и уже хотел было заставить незнакомца проглотить обидные слова, но вовремя разглядел эмблему на его тунике, обтягиваю-

³ Барбакан – предмостное сооружение, снабженное амбразурами.

щей стройное сильное тело, и сам подавился всем, что хотел сказать. Кем бы ни был этот рыцарь, он уже был драконоборцем, а Готику еще предстояло заслужить это звание.

– Бегом-бегом-бегом! – Рыцарь подкреплял свои слова энергичными хлопками. – С третьим ударом колокола вы все должны быть на плацу!

Словно подтверждая его слова, послышался звон колокола, и новички сорвались с места.

– Быстрее! Быстрее! – несколько конюхов встретили их торопливыми криками. – Расседлать лошадей – и живо на плац!

– А если у кого-то нет лошади? – тут же пискнул невысокого роста веснушчатый парнишка.

– Тогда бегом на плац, пока тебя не заставили чистить чужих коней! – прикрикнул конюх, и веснушчатый сорвался с места с такой скоростью, словно от этого зависела его жизнь.

Готика не пришлось ни упрасивать, ни обучать премудростям ухода за лошадьми. Он завел своего мерина в свободное стойло – благо таких тут было много, – быстро расседлал, повесив седло на крюк, скрутил жгут из соломы и обтер конские бока.

– Ловко у тебя получается!

От неожиданности юноша чуть не выронил жгут. В дверях денника обнаружился незнакомый юноша. Трудно было сказать, сколько ему лет – ростом он был на уровне Готики, да и шириной плеч не уступал, но над верхней губой не росло ни одного волоска будущих усов. Зато светлые, с золотистым отливом волосы спускались ниже плеч. Будь незнакомец чуть менее развит физически, его вполне можно было принять за переодетую девушку.

– Я привык, – пожал плечами юноша. – Это входит в обязанности оруженосца. Кроме того, настоящий рыцарь сам заботится о своем коне, ибо конь – верный спутник рыцаря, его боевой товарищ, и часто от коня зависит жизнь всадника.

– А у меня нет коня, – сказал светловолосый. – Я пришел пешком.

– Ты простолюдин? – Готик знал, что в Школу иногда принимали юношей низших сословий, но не ожидал, что столкнется с одним из них в первый же день.

– А... э... не совсем, – подумав, ответил парень.

– То есть как «не совсем»? Ты бастард?

– Нет. В нашем племени нет такого понятия, как семья, – пустился в объяснения парень. – Мой отец просто составил пару с моей матерью, и теперь только смерть одного из родителей заставит второго посмотреть на сторону.

– В твоём племени? Ты откуда?

– С гор.

– А-а-а... – Готик кивнул, вспомнив свои познания в истории и географии. Не так давно, цикл или два назад, несколько горских племен признали главенство равнинных королей. Когда-то давно, если верить летописям, горские племена считали себя Пастухами Драконов, поклонялись этим тварям и приносили человеческие жертвы. Впрочем, времена мирного сосуществования с крылатыми тварями если и были, то давно миновали. Вот уже почти восемь веков мир жил в состоянии ожидания нового витка бесконечной войны.

– Ты – горец?

– Меня зовут Авидар, – представился парень. – Мой отец вождь нашего племени.

– Ох, – Готик даже выдохнул от облегчения, – это же здорово!

– Как сказать... Я – старший сын вождя и должен...

– Здорово то, что мы с тобой почти равны! Я – старший сын лорда, а вождь племени – это все равно что лорд. Общение с тобой не уронит моей чести. Меня зовут Готик Арвальд, баронет Дольский.

Ответить Авидар не успел – рядом возник один из конюхов.

– Вы что? – прикрикнул он. – На гауптвахту захотели в первый же день? Второй удар колокола пропустили! Ты – живо на плац! А тебе, – конюх ткнул Готика в грудь, возвращая в денник, – еще надо дочистить коня.

Авидар убежал, а юноша с удвоенной энергией принялся скрести соломенным жгутом конские бока.

Он справился с заданием в числе последних, но успел добежать до плаца и встать крайним в ряду в самый последний момент. Стоило ему остановиться и уронить свой вещмешок на землю, как послышался третий удар колокола.

Он еще плыл в воздухе, а навстречу замершим новичкам уже шагал высокий мрачный рыцарь с твердым, резким, словно вырубленным из камня лицом. Поверх обычной одежды – туника и кожаный колет – у него на плечи была наброшена выделанная кожа какого-то зверя. Шпоры на высоких сапогах звякали при каждом шаге. При его появлении случившиеся тут же драконоборцы побросали все дела и тоже выстроились в шеренгу напротив новичков. Их было раза в два больше, многим было явно под тридцать, а кое-кто и постарше, и все носили на туниках эмблему – извивающегося змея, пронзенного копьем, а талию каждого перетягивал пояс из змеиной кожи.

Рыцарь с каменным лицом прошелся между шеренгами туда и обратно, остановившись так резко, словно ему внезапно скомандовали: «Нале-во! Кру-гом!»

– Так, – произнес он резким злым голосом, – слушайте меня! Вам всем, сопляки, выпала великая честь пополнить собой ряды Ордена Драконоборцев. Гордитесь уже тем, что вас допустили в эти стены. Ваша группа – последняя, кого наберут в этом цикле, так что гордитесь выпавшим шансом. Это означает, что вы – лучшие из лучших, ибо кого попало сюда не принимают. Забудьте все, что было раньше. С сегодняшнего дня у вас начинается совсем другая жизнь. Вы пришли сюда неуклюжими щенками – мы вырастим из вас настоящих воинов, которые будут с честью исполнять свой долг – уничтожать проклятых огнедышащих тварей, где бы они ни находились!

– А зачем уничтожать драконов?

Одиноким голосом был подобен грому с ясного неба. Даже замершие напротив рыцари вздрогнули от неожиданности, а оратор побагровел.

– Это кто тут такой умный? – прорычал он с плохо скрываемой яростью. – Кто осмелился разевать рот без приказа?

– Я, – с противоположного конца шеренги раздался голос.

– Ты, – драконоборец сделал шаг навстречу, – самый умный?

– Но вы же не приказывали нам молчать, сэр! – произнес тот же голос.

– Так приказываю! – рявкнул рыцарь. – Молчать всем! Вопросы задавать, только когда вам разрешат! Из строя выходить, только когда вам разрешат! Исполнять то, что вам приказут! За послушание на первый раз – сутки гауптвахты. За второй раз – трое суток карцера. За третий раз – отчисление. Всем понятно? Не слышу!

– Да, сэр! Есть, сэр! – вразнобой воскликнули новички.

– Отвратительно! – скривился рыцарь. – Торговки на базаре орут слаженнее. Хором, все вместе: «Да, сэр!» Три-четыре...

– Да, сэр! – грянул хор голосов.

– Уже лучше! А насчет драконов... – Уже сделав шаг, рыцарь остановился. – Эти чудовища убивают людей, жгут дома, травят посевы, уничтожают скот и лошадей. Вы все еще слишком молоды и вряд ли хорошо запомнили, что было десять лет назад, когда они напали в очередной раз. Год за годом мы ведем с ними войну – это наш долг, привилегия и судьба. И пока жив хоть один дракон, мы не сложим оружия.

– Значит, люди ненавидят драконов? – не сдавался новичок.

– «Ненавидят»! – передразнил драконоборец. – А за что любить этих тварей? Жестокое, тупые чудовища, уничтожающие все на своем пути... Они всегда – слышите, *всегда!* – нападают первыми, заставляя нас раз за разом браться за оружие! И мы будем браться! – повысил он голос. – Мы будем сражаться и убивать их, пока живы! Каждому из вас рано или поздно предстоит убить своего дракона. Ради этого мы живем, в этом смысл нашей жизни! Драконам нет места на нашей земле! А кто так не думает, тот предатель своей расы!

Ошеломленные новички молчали.

– Ладно, на первый раз достаточно. – Рыцарь перевел дух. – Ты, – он ткнул пальцем в осмелившегося подать голос новичка, – отправляешься на гауптвахту. Остальные – в казарму.

Казарма для новичков представляла собой просторную комнату с низким сводчатым потолком, поддерживаемым колоннами. В спальном корпусе таких комнат было четыре – по числу групп учеников, и три из них были уже заняты. Вдоль стен стояли две дюжины коек одинакового размера, застеленных одинаковыми одеялами – двенадцать с одной стороны и двенадцать с другой. Возле каждой койки стоял маленький приземистый сундучок для личных вещей. На две койки полагалось одно низкое окно с широким подоконником, забранное решеткой. Окна были только на одной стене – вторая была смежной с соседней спальней. В центре комнаты стоял один-единственный стол и несколько стульев – их было явно меньше, чем переступивших порог юношей.

Сопровождающий юношей рыцарь прошелся вдоль колонн, широким жестом указав на койки:

– Располагайтесь кто где хочет. Выход – там! – Он ткнул себя за спину. – Нужник – тут, – указал на противоположную дверь. – Кому невтерпёж ждать своей очереди, может справиться нужду снаружи, но тогда свое дерьмо сами за собой убирайте!

Юноши проходили вперед, озираясь по сторонам. Довольно скромное убранство так или иначе поразило всех.

– И это все? – разочарованно протянул кто-то. – Больше нам ничего не положено?

– А зачем вам тут лишняя роскошь? – хмыкнул драконоборец. – Это же не королевский дворец, а Орден Драконоборцев. И вам тут не дадут разлеживаться на перинах. Слушайте колокол – скоро вас позовут на первую тренировку. Потом – ужин. Остальное вам объяснят позже.

И ушел, оставив ошеломленных новичков одних.

– Круто! – восхищенно воскликнул юноша лет девятнадцати. – Вы знаете, кто это был?

– Тот, кто перед нами выступал на плацу? Это же сам сэр Лаймож Луанский! В последнюю кампанию он прославился атакой на Змеиную пещеру! Видели шкуру на его плечах? Это кожа настоящего дракона!

– О да! Сам сэр Лаймож Победитель! – со всех сторон слышались восторженные голоса. – Великий воин! Борец с драконами!..

– И нам выпадет честь у него учиться, – продолжал тот же самый юноша. – Мне здесь нравится!

С этими словами он растянулся на ближайшей койке и махнул рукой какому-то парнишке, пристраивающему свои вещи на соседней:

– Как зовут? Откуда родом?

– Я... э-э... – Это был тот самый веснушчатый мальчишка, который пришел без лошади. – Меня зовут Садуго. Просто Садуго.

– Простолюдин?

– Мой отец торговец...

– Это ничего не значит! Перед тобой – наследник имени и титула герцогов Нильских, сэр Яунист! Я уже три месяца, как посвящен в рыцари. И, если хочешь занимать место рядом

со мной, ты должен его заслужить. Так что давай принеси от порога мои вещи и распакуй их. И поосторожнее с кольчугой!

– Но... – Садуго заколебался. – А разве так можно?

– Можно, – категорично ответил Юнист. – Я – лорд, ты – простолюдин.

– Но разве нам не сказали, что отныне мы равны?

Одним прыжком будущий герцог Нильский оказался на ногах и отвесил собеседнику короткую оплеуху:

– Кто тебе это сказал? Лорд никогда не станет вровень с простолюдином! Бегом за моими вещами или убирайся с этой койки!

– Давай я принесу твои вещи, – предложил свои услуги третий парнишка. – Меня зовут Ширд.

– Молодец! Потом займешь его место. – Юнист кивнул на веснушчатого паренька с таким видом, словно речь шла о кошке, которую надо спихнуть с кресла.

Сын торговца попытался спорить, когда его нехитрые пожитки были сброшены на пол и пинком отправлены куда подальше, но на сторону Юниста и Ширда встал еще один юноша.

– Да, мы все равны, – заметил он, – но некоторые – равнее.

Готик не принимал участия ни в ссоре, ни в последующей перепалке. И так было ясно, что Юнист и его подпевалы будут верховодить в группе новичков. И не только потому, что они уже были рыцарями, заслужили шпоры и принесли с собой личное оружие и доспехи⁴. Просто в любой группе так всегда бывает – кто-то командует, кто-то подчиняется. Тут главное – не позволить спихнуть себя на более низкую ступень.

Вообще в группе из двадцати юношей и мальчишек простолюдинов была примерно половина. Оглядевшись по сторонам, Готик не заметил того светловолосого парня, Авидара. Где его носит? Ах да! Он же сидит на гауптвахте! Как там говорил сэр Лаймож? После третьего замечания – отчисление? Если да, то у Авидара неприятности появились еще до начала обучения.

Впрочем, ему какое дело? Если кто-то не ценит выпавшей на его долю чести, это его проблемы. А Готик переступил этот порог, чтобы стать драконоборцем и прославить свое имя, уничтожая драконов.

Не успели юноши распаковать вещи, как дверь распахнулась от резкого пинка, и возникший на пороге рыцарь хлопнул в ладоши:

– Колокол не для вас звонил? Бегом на построение! Скорее! Скорее!

Удивленные, взволнованные и заинтригованные, ученики нестройной толпой высыпали из казармы, выстраиваясь на плацу. Три другие группы, набор в которые завершился раньше, уже стояли по стойке «смирно». Рыцарь, выгнавший их, прошелся вдоль строя, бросая на каждого придирчивый взгляд. Обойдя замерших новичков, он остановился, заложив руки за спину.

– Парни, – начал он, – вам оказана великая честь – вы зачислены в ряды прославленного Ордена Драконоборцев. Но, чтобы стать настоящим воином, защитником и героем, мало попасть в эти стены. В течение нескольких лет вы будете день за днем постигать воинскую науку...

– Некоторые из нас уже рыцари, – негромко, но весомо буркнул Юнист, стоявший за два человека от Готика.

⁴ Оруженосцы, как правило, пользовались доспехами и оружием, которые им выделял лорд, они не были их собственностью. Принимая рыцарское звание, юноша получал личный меч и мог самостоятельно приобрести себе доспехи.

– Это ничего не значит! – отмахнулся драконоборец. – Забудьте все, чему вас учили! Всю науку вы будете постигать с нуля, и некоторым из вас придется труднее, чем остальным...

Яунист опять что-то проворчал.

– Да, – как ни в чем не бывало продолжал оратор, – поскольку учиться с самого начала намного легче, чем переучиваться, забывая старые навыки. Вас научат борьбе, фехтованию различными видами оружия, метанию копья...

– Стрельбе из лука, – негромко подсказал еще один подросток.

– Лук – оружие простолюдина! – перебил драконоборец. – Настоящий рыцарь никогда не возьмет в руки это изобретение для слабаков. Хотя вам придется научиться натягивать лук – для того, чтобы развивать руки и плечи. Вас также обучат верховой езде, конному бою, магии...

Кто-то присвистнул.

– Да, магии! Ибо драконы – суть магические твари и могут насыщать чары на своих врагов, дабы лишить их сил и мужества. Вы должны уметь противостоять враждебным чарам, и заодно каждый должен научиться зачаровать свое оружие для смертельного удара. Много времени вы потратите и на то, чтобы научиться сражаться и убивать драконьих прихвостней – всякую нечисть и злобных тварей, посылаемых драконами в наш мир. К концу цикла вы все станете настоящими воинами. Меня зовут брат Акимир, и я – ваш старший наставник. Но хватит разговоров! Побежали!

Подгоняемые хлопками и криками наставника, новички сорвались с места.

Первые два круга были действительно бегом по плацу, вытоптанному до такой твердости, что казалось, будто под ногами не земля, а голые камни. Но на третьем круге драконоборец заставил их свернуть на полосу препятствий. Здесь было намного сложнее – приходилось то перепрыгивать через лежащие бревна, то подлезать под низкие деревянные воротца, то ползти, загребая локтями и коленями, то скакать через ямы, то кувыркаться, уворачиваясь от раскрученного на веревке полена.

Тяжелее всего было последнее препятствие, после которого следовало заходить на новый круг. Это была длинная и довольно глубокая траншея, заполненная грязной водой – судя по особому запаху и кое-каким плавающим на поверхности «мелочам», сюда сливали отбросы. Над нею были установлены в ряд несколько воротец, и предлагалось пройти над траншеей на руках. Сорвешься – рухнешь в грязную мутную жижу. Веснушчатый Садуго сорвался первым, не пройдя на руках и трех «шагов». Яма оказалась ему по грудь. От неожиданности он окунулся с головой и вынырнул такой грязный, что бегущие следом невольно затормозили.

– Не спать! Продолжать движение! – Наставник за руку выдернул паренька из траншеи и заставил встать в конец колонны. – Бегом! Бегом!

С непривычки уже на третьем круге новички стали спотыкаться и падать чуть ли не через каждые три-четыре шага. В траншею каждый окунулся по разу точно. Дольше всех продержался Яунист, но на четвертом круге уже в самом конце сорвался и он, успев, однако, выбросить вперед и в стороны руки и таким образом избежать полноценного «купания». В результате он испачкался только по пояс, что отнюдь не добавило ему настроения.

Пятый круг оказался последним. Выстроившиеся перед братом Акимиром новички тяжело дышали.

– Это – только начало! – «обрадовал» их драконоборец. – До ужина еще есть время, так что...

– А как же обед? – Коренастый крепыш, который тем не менее оказался слабаком под стать Садуго, разочарованно хлопнул носом.

– Обед надо еще заслужить, – отрезал рыцарь. – И вообще, в Ордене едят только дважды в день – утром и вечером. Учтите это, когда завтра на рассвете отправитесь в столовую. А сейчас у вас есть несколько минут, чтобы сменить грязную одежду и вернуться сюда... Кроме вас троих!

Яунист, тот самый крепыш и еще один парнишка с удивлением захлопали глазами, но остановились. Задержались и остальные – любопытство оказалось слишком сильным.

– Ты – тридцать отжиманий! – Палец драконоборца ткнулся в грудь юного рыцаря. – А вам двоим – по десять!

– А почему мне тридцать, а им... – начал было Яунист.

– Сорок отжиманий, – как ни в чем не бывало поправился наставник. – За то, что осмелился перебивать наставника и пререкаться с ним. Начали! Остальные – свободны! Сменить одежду – и возвращайтесь сюда. Бегом! Кто опоздает – получит плетей!

– Неужели они в самом деле будут нас пороть? – подумал вслух еще один парнишка, которого, насколько успел запомнить Готик, звали Пасаком. – Мы же лорды!

– Меня мой наставник иногда бил. Раньше, когда я только начал служить оруженосцем, – вспомнил Готик. – То есть не порол на самом деле, но иногда мог дать затрещину или вытянуть плетью. Характер у него был тяжелый.

– У моего тоже, особенно когда напьется, – с пониманием кивнул Пасак. – Нас у него было десять, он посылал учеников с разными заданиями и, если кто-то не справлялся, колодил почем зря... Но я так мечтал стать рыцарем, что все терпел.

Тут разговор сам собой прервался – едва ученики принялись копаться в своих вещах, выискивая, что почище, как порог казармы переступил еще один драконоборец, лет на десять моложе брата Акимира.

– Шевелись, сонные черепахи! – гаркнул он. – Хватай, что попадется, напяливай – и вперед! Кто опоздает – десять отжиманий!

Пришлось надеть исподние порты и простую льняную рубаху. На новые башмаки и носки времени не оставалось, и Готик выскочил на плац босиком, мимоходом отметив, что не он один оказался без обуви. Несчастный Садуго и вовсе оказался в одном носке, да еще и с дырой на большом пальце.

– А вы куда направились? – Рыцарь остановил Яуниста и двух его товарищей по несчастью, которые двинулись было в казарму, чтобы переодеться. – Встать в строй!

– Но мы должны хотя бы сменить рубашки! – заспорил крепыш.

– Сбрось свое тряпье прямо тут, а после разминки получишь еще десять отжиманий! – определил новый наставник и оглянулся на остальных: – И так будет с каждым независимо от того, какова причина! Опоздал или не успел – никаких послаблений. Получил наказание – никакого отдыха. Делайте все быстро, хорошо и без лишних слов – или не делайте совсем. Встать в круг!

Все повиновались.

– Мое имя – брат Квактол, – представился драконоборец. – Моя задача – научить вас сражаться. И мне плевать, – он повысил голос, – на то, что некоторые из вас уже держали когда-то благородное оружие в руках! Наоборот – этим несчастным лично я не завидую. Сейчас – разминка. Начинаем с кистей рук! Встать так, чтобы не задевать кулаками товарищей! Руки в стороны! Повторяем за мной!

В течение следующих двух часов новички усердно разминали все суставы и мышцы, начиная от пальцев рук и ног и заканчивая плечами. Потом последовали прыжки – то на двух ногах, то на одной, поочередно. Потом их заставили встать на колени и выпрыгивать уже из этого положения. Когда у новичков уже начали гудеть от усталости ноги, брат Квактол перешел к ударам.

– Все удары, – вещал он, – наносятся из определенной стойки. Ноги полусогнуты, ступни параллельно друг другу и немного носками внутрь. Левая нога чуть вперед – она опорная, правая – сзади. Ею делаем подшаги. Корпус вполоборота... Кто скажет – зачем?

– Чтобы удобнее было держать щит, – блеснул познаниями Яунист.

– Чтобы уменьшить площадь поражения, – поправил наставник. – Но и такой ответ можно считать верным. Отсюда стойка: левая рука согнута в локте и выставлена вперед. Это ваш пока воображаемый щит. Правая чуть отведена назад и расслаблена. Удар начинается не в плече, а от носка вверх до голени и колена, потом бедром толкаем корпус, а уже он выталкивает вперед руку. До последнего рука расслаблена, напрягаем ее только в самый момент удара...

– Не понимаю, – шепнул все тот же Пасак, терпеливо выполняя все указания, – зачем нам кулачный бой? Мы разве сервы, чтобы драться голыми руками?

– Десять отжиманий после тренировки. – Казалось, драконоборец стоял спиной и в этот момент что-то объяснял, но вот поди ж ты – все услышал и вычислил говорившего! Готик подавил вздох и твердо решил держать язык за зубами.

Тренировка продолжалась еще час; все это время новички, как заведенные, отрабатывали тот единственный удар, который им показали. Сначала правой рукой, потом левой, потом поочередно, пока не заныли мышцы. Готик, стиснув зубы, молчал и к концу тренировки оказался едва ли не единственным, кому брат Квактол, завершив свои дела, разрешил сбегать до нужника, пока остальные, пыхтя и обливаясь потом, отжимались на плацу.

Звон колокола, возвещавший начало ужина, все встретили стоном облегчения.

– Нечего радоваться, – тут же огорошил новичков брат Квактол, – это знак для братьев-рыцарей. Сейчас у вас есть полчаса, чтобы привести в порядок, выстирать и повесить сушить свою одежду. После ужина вас ждет работа... – Он сделал паузу, переживая волну разочарованных вздохов и стонов. – А вы как хотели? Здесь у нас нет слуг, на которых можно возложить эти обязанности. Даже когда у вас появится свой наставник, вам и тогда придется время от времени трудиться на благо Ордена.

– Э-э-э... – Яунист поднял руку. – Брат Квактол, можно вопрос?

– Обращайтесь, – кивнул тот.

– У каждого из нас будет свой, личный наставник?

– Да. В вашей группе двадцать человек... То есть, – он сделал паузу, пересчитав глазами новичков, – пока девятнадцать, двадцатый сидит на гауптвахте. И еще три двадцатки были набраны в прошлом и позапрошлом месяцах. Итого восемьдесят. Через год лучшие из вас получают своих наставников. Будут устроены соревнования. Те из вас, чьи результаты окажутся далеки от совершенства, еще год проведут в новичках, тренируясь по общей программе. Если же и на второй раз эти недотепы не улучшат свои показатели, им придется навсегда распрощаться с мечтой стать рыцарями.

– А почему?

– Когда вы будете изучать историю Ордена Драконоборцев, вы получите ответ на этот и некоторые другие вопросы. А сейчас – марш заниматься делами! У вас всего полчаса. Кто провозится со своим барахлом дольше и опоздает к ужину, ложится спать голодным!

В бытность оруженосцем Готик несколько раз, отправляясь со своим воспитателем в походы – по счастью, не боевые, стирал свои и господские портянки и был уверен, что справится. Однако он не учел, что пришлось сначала идти к брату кастеляну за мылом и деревянными ведрами, потом стоять в очереди к колодцу, черпать воду, наполняя ею большую бадью, и только после этого приступать к стирке.

Яунист не принимал в этом участия – он вручил свою грязную одежду Ширду и все полчаса просидел в тени, наблюдая, как трудятся остальные. Готика подмывало поступить так же, но он понимал, что сначала надо присмотреться к остальным парням и лишь после

этого выбирать себе «слугу». Кроме того, он знал, что мальчишку, который будет вместо него выполнять грязную работу, ему придется как-то опекать и защищать, а к подобным отношениям юноша не был готов. Да и кого взять? Того же Садуга?

Набегавшись за день, подростки еле-еле осилили стирку, и колокол, зовущий на ужин, заставил их бросить свои рубахи как попало. Уставшие новички, не чувствуя вкуса, проглотили ужин – кашу с кусочками сала, вареные яйца, сыр, салат из зелени и сбитень. Братьев-драконоборцев кормили сытно, не то что в других монастырях, исповедовавших воздержание и аскезу.

После еды многих клонило в сон, но расслаживаться за столами никому не позволили. Брат-повар поднял половину юношей и погнал их собирать со столов объедки, мыть посуду, подметать пол, чистить овощи и месить тесто для утренней порции хлебов – в общем, помогать по кухне. Остальных выгнали на двор – сквозь открытые двери кухни Готик видел, как им всем, в том числе и недовольно скривившемуся Яунисту, вручили по метле и заставили подметать плац, на котором они бегали весь день.

Собрав стопкой грязные миски, юноша отнес их на кухню и тут заметил возле котла с горячей водой новое лицо. Вернее, лицо было старым – несмотря на то, что общались всего несколько минут, забыть эти светлые волосы и золотистые глаза оказалось невозможным. Закатав рукава рубашки, Авидар неловко, но старательно мыл грязную посуду.

Глаза юношей встретились.

– Тебя уже отпустили? – поинтересовался Готик, опуская в чан с водой миски.

– На время. Сказали – наказание наказанием, но отработать свое я обязан.

Авидар неожиданно улыбнулся, и юноша почувствовал странное облегчение, словно ему сообщили прекрасную новость и разрешили давно мучившие его сомнения.

– Тебе помочь?

Слово вырвалось само. Готик даже прикусил от удивления язык. Что на него нашло?

– Спасибо, я сам. – Авидар улыбнулся снова и погрузил в чан руки до локтя, занявшись мытьем посуды.

– Чего застыл? – Брат-повар возник рядом. – Мечтаешь возиться в грязной воде? Тогда закатывай рукава... И живо, живо! Думаешь, посуда сама помоеется?

Отдав распоряжение, он отправился следить за другими мальчишками.

– Не стоило тебе со мной разговаривать, – помолчав, сказал Авидар. – Это мое наказание.

– «Смирение – одна из добродетелей рыцаря, – процитировал Готик правила, которые ему щедро вдалбливали в бытность оруженосцем. – Гордыня относится к числу грехов, с коими надлежит денно и нощно бороться. Настоящий воин силен не только телесно, но и духовно. Не праздными размышлениями, но тяжким трудом только и можно воспитать в себе силу духа...»

– «Ибо плоть наша слаба и тленна, а дух – бессмертен!» – раздалось за спиной.

Юноши вскрикнули от неожиданности. У Готика вырвалась из рук и булькнула на дно только что вымытая посуда, когда тяжелая рыцарская длань опустилась ему на плечо.

– «Держись стези своей, не сходи с пути прямого – и достигнешь всего, что пожелаешь!» – Пожилой рыцарь, длинные, до лопаток, волосы которого покрывала седина, а темное лицо бороздили морщины, улыбнулся остолебневшему юноше светло-голубыми, как зимнее небо, глазами и отошел.

Две пары глаз зачарованно смотрели ему вслед.

– А кто это? – выдохнул Авидар.

– Твое-то какое дело? – Брат-повар с грохотом опустил в чан с грязной водой еще несколько мисок. – Живо принимайтесь за дело. А то еще опоздаете на вечерний молебен!

– На молебен? – Темные, четко очерченные брови юноши взлетели вверх. – А зачем?

Готик подавил вздох. Просто беда с этими горцами! Сначала он лезет с неуместными замечаниями на предмет того, надо ли убивать драконов – тварей, регулярно уничтожающих дома, посеы и самих людей, – а теперь вот снова дает волю своему языку. Эдак опять получит нагоняй и вылетит из Школы в считанные часы! Решив как-то замять дело, Готик сказал:

– Молебен нужен не только для того, чтобы вознести свои просьбы и хвалы Создателю этого мира. Молитва есть еще и способ очищения и закалки духа, ибо душа наша столь же уязвима, как и брeнная плоть, и так же нуждается в тренировке, дабы в ответственный момент не пасть духом и найти в себе силы двигаться вперед.

Уже отошедший к выходу и замешкавшийся, чтобы пропустить двух новичков, волокущих чан с грязной водой, седой рыцарь обернулся, услышав эти слова.

– Отлично сказано, юноша! – промолвил он. – Продолжайте в том же духе, и вы убьете своего первого дракона прежде, чем все остальные!

Готик замер от неожиданности. Кроме, пожалуй, деда, никто особенно не приветствовал его «умничанья». Даже мать и то иногда ворчала, что подобные изречения более приличествуют священнику, чем будущему воину.

– Вот это да! – Брат-повар, кажется, забыл, что должен подгонять нерадивых помощников. – Впрямь хорошо сказано, раз это оценил сам сэр Альдон.

– Да кто это?

Брат-повар посмотрел на дверь, за которой уже скрылся седовласый рыцарь.

– Сэр Альдон – один из лучших драконоборцев, – произнес он. – Мистик и поэт. Эх, каким бы он был великим магистром после сэра Отинура! Но сам отказался от этого звания... А что это вы застыли, разинув рты? Колокол вот-вот прозвонит, – напустился он на юношей. – У вас еще дел невпроворот! Бегом-бегом!

– Я его боюсь, – шепотом поделился своими мыслями Авидар, когда брат-повар ненадолго отвернулся.

– Кого? Его? – Готик кивнул на фигуру их надсмотрщика.

– Нет. Этого... сэра Альдона. У него глаза холодные!

«Можно подумать, у тебя они теплые! – хотелось сказать юноше. – Что за обычай судить о человеке по взгляду?» Но мельком глянул на лицо своего приятеля и впервые порадовался тому, что не произнес ни одного слова вслух.

Золотисто-янтарные глаза Авидара действительно излучали тепло. Будь такой теплый взгляд у девушки, даже самой последней дурнушки из грязной деревни сервов, – и любой принц крови, не задумываясь, бросил бы к ее босым ногам свое королевство. Готику захотелось ущипнуть себя – так подействовал на него этот взгляд, в котором сила и мужественность сочетались с чистотой и теплом. А ведь Авидар даже не смотрел в его сторону – все внимание юноши было сосредоточено на грязной посуде.

Звон колокола застал их уже закончившими дела и убиравшимися на кухню.

– Через три минуты начинается молебен! – воскликнул брат-повар. – Шевелитесь, сонные мухи!

– Ты иди. – Авидар не прервал своего занятия. – Я тут все приберу.

– А как же...

– Мне же еще на гауптвахту возвращаться, – улыбнулся Авидар. – Меня выпустили, только чтобы помочь на кухне.

Пришлось отправляться в одиночестве.

Готик ворвался под старинные своды собора, когда уже почти все собрались. Рыцари стояли стройными рядами, по старшинству: высшие чины, магистры и их приближенные впереди, рядовые рыцари сзади. Новичков же выставили в самом первом ряду – то ли для того, чтобы следить, насколько благочестив тот или иной юноша, то ли просто для того, чтобы Создателю их было лучше видно.

Понукаемый остальными – пока он не займет свое место, молебен не начнется, вон уже и священник недовольно морщит брови! – Готик протолкался к своим приятелям и, не выдержав, обернулся, ища взглядом сэра Альдона.

Тот оказался совсем рядом – буквально в двух шагах. Запрокинув седую голову, старый воин, мистик и поэт пристально смотрел на огромное, в два человеческих роста, расположенное на возвышении изображение Создателя, повергающего в Хаос первого Дракона. И выражение лица у него при этом было такое... В общем, юноше очень не хотелось, чтобы кто-то *так пристально* смотрел в его сторону.

Только в конце дня, по возвращении из собора, где вместе со всеми рыцарями и засыпающими на ходу новичками он отстоял вечерний молебен, сэр Лаймож вспомнил о рыцаре, которому еще днем велел прийти к дверям его покоев. Тот все это время дисциплинированно ждал, стоя у стены, как на часах.

– Сэр Элдон? Следуйте за мной, – приказал сэр Лаймож, проходя мимо него в свой кабинет. Точнее, это был все еще кабинет его предшественника и наставника, сэра Отинура. Тут сохранились многие вещи, которыми пользовался старый рыцарь. Даже, кажется, чернила в чернильнице были теми же, которые наливали еще при нем. Прославленный драконоборец чувствовал себя неуютно в этих стенах, и не только потому, что был вынужден, подчиняясь королевскому указу, заняться делом, которое ему не слишком нравилось. Он – воин, а не канцелярская крыса!

Вошедший следом рыцарь остановился у порога, ожидая, пока его начальник закончит метаться по заставленному вещами кабинету, как зверь, запертый в клетке.

– Готовы ли вы исполнять мои приказы, сэр Элдон? – внезапно повернулся он к молчаливо ожидавшему рыцарю.

– Да, сэр! – не моргнув глазом, ответил тот.

– Готовы ли вы пойти на риск, поставить на кон свое имя, честь, самую жизнь – и потерять все это в случае проигрыша, но обрести небывалую славу, если вам улыбнется удача?

– Приказывайте, сэр!

– И вы готовы сию минуту, не дожидаясь рассвета, пуститься в путь?

– Да, сэр.

– В таком случае вы немедленно отправитесь на север, в Колыбель Ветров.

Рыцарь в легком недоумении сдвинул брови. Колыбелью Ветров звалась одна из северных долин. На первый взгляд она ничем не отличалась от остальных.

– Его величество мне не доверяет, – тем временем рассуждал вслух сэр Лаймож, меряя шагами кабинет. – Меня лишили армии, заперли в четырех стенах, приказав заняться воспитанием молокососов, в то время как любой справится с этим намного лучше меня. В то время как мое истинное призвание – сражаться и уничтожать драконов. И еще я не доверяю брату Руйеру... Скажите, в чем, по-вашему, состоит наша цель?

Если рыцарь и удивился, то не подал вида. Он лишь немного замаялся, прежде чем ответить – настолько резким был переход, – но в конце концов произнес:

– В том, чтобы уничтожить драконов.

– Да, уничтожить! – Сэр Лаймож сжал кулаки, словно смыкая пальцы на горле невидимого врага. – Этих злобных огнедышащих тварей, мерзкое порождение Хаоса и черной магии прошлого! Я видел сожженные дотла деревни, города, от которых остались лишь дымящиеся развалины. Видел трупы людей и животных, спаленных этими чудовищами или обгрызенных их жуткими клыками! Я видел, во что они превращают сады и пашни, что остается на месте озер и лесов после того, как над ними пролетят эти... эти чудовища. Их

надо уничтожать, всегда и везде! И на вас, сэр Элдон, я возлагаю надежды в этом нелегком и опасном деле.

– Но, сэр, – рыцарь заколебался, – сейчас перемирие... До наступления Года Дракона еще есть время, чтобы...

– Перемирие! – Магистр выплюнул это слово, как ругательство. – Лишь краткая передышка перед новым боем! Что такое жалкие двенадцать лет мира, если платить за них приходится кровью и смертями? Я знаю, что говорю – я пережил уже три таких цикла. И все они заканчивались одним и тем же – нападением драконов...

– И каждый раз люди надеялись, что этот будет последним, – вставил слово сэр Элдон.

– И каждый раз находились те, кто этого не желал. Ибо, скажите мне, в чем состоит предназначение дракоборцев?

– Чтобы сражаться с драконами, защищая мирное население от...

– Вот именно – чтобы сражаться! – Сэр Лаймож рубанул кулаком воздух, словно в руке у него был разящий меч. – А как вы думаете, сэр Элдон, что станет с нашим Орденом, если исполнятся мечты всех тех, кто мечтает о вечном мире между людьми и этими тварями?

На сей раз рыцарь думал дольше, чем пару секунд, и на лице его отразились следы сомнений.

– Мы перестанем существовать, – озвучил его мысль магистр. – Ибо цель дракоборцев – именно война! Мы живем от Года Дракона к Году Дракона, в конце каждого цикла набирая талантливых, смелых, крепких, выносливых и просто родившихся при определенном сочетании звезд мальчишек, чтобы воспитать из них новое поколение бойцов. К началу нового Года Дракона многим из них будет по двадцать лет. Они пойдут в бой... Для кого-то первое сражение станет и последним, но через несколько лет на их место придут новые мальчишки, и все повторится сначала. То есть должно бы повторяться из цикла в цикл, из поколения в поколение, до скончания века... Но есть те, кто мечтает изменить существующий порядок вещей. Эти люди денно и нощно выискивают какие-то старинные пророчества, ищут смысл в обрывках старых легенд и разбирают по буквам детские сказки. Они надеются найти ответ на вопрос, как раз и навсегда остановить эту войну, как избавить человечество от ужаса, от необходимости раз за разом восстанавливать разрушенные дома в ожидании, пока опять налетят орды огнедышащих тварей.

– Все люди хотят жить в мире, – осторожно промолвил сэр Элдон.

– Да, но найдется ли в этом новом мире место для таких, как мы с вами, брат мой? – горько усмехнулся магистр. – Я видел три цикла. Трижды над моей головой пронесся Год Дракона. Но вы... Что будет с вами? С остальными нашими братьями? Вы готовы жить в мире, где никому не будет нужен ваш меч, ваш ум, сила, доблесть...

Судя по лицу рыцаря, его одолевали сомнения.

– Только вечная война, только постоянное ожидание удара извне, только угроза новой атаки драконов – вот, как ни странно, гарантия стабильности для нашего мира вообще и для всего Ордена Дракоборцев в частности, – продолжал сэр Лаймож. – И мы должны сделать все, чтобы мир таким и оставался. Поэтому вы сейчас отправитесь на север, в Колыбель Ветров.

– И что я там буду делать?

– Постараетесь сделать все, чтобы новая война состоялась во что бы то ни стало! Я дам вам кое-какие ценные советы. Но в основном вам придется действовать на свой страх и риск, совершенно самостоятельно. Мы не сможем вести нормальную переписку, ибо все должно совершаться в строжайшей тайне. Вы будете практически предоставлены сами себе. И в случае вашего провала ни одна живая душа не должна знать о нашем разговоре.

– Я буду нем, как рыба!

– Будете, сэр Элдон, будете...

Подойдя к высокому, от пола до потолка, книжному стеллажу, магистр нажал на корешок одной из книг, и тотчас полка отъехала в сторону, обнажив нутро тайника. Из него была извлечена самая обычная шкатулка, которая открылась с тихим щелчком, стоило сэру Лаймому дотронуться до одной точки на крышке. Внутри было около десятка разнокалиберных пузырьков. Откупорив один, магистр вытряхнул на ладонь несколько белых шариков.

– Вот, – один шарик лег в ладонь сэра Элдона, – проглотите его. И повторяйте за мной: «Да будут уста мои замкнуты вечной печатью, и ни слова не сорвется с моих губ о том, что слышал и о чем говорил я с магистром Лайможем в последнюю ночь... Если же не сдержу слова по легкомыслию, по неосторожности или по принуждению, то в тот же миг поразит меня смерть».

Рыцарь послушно повторил все слово в слово.

– Это снадобье называется «обещанная смерть», – объяснил сэр Лаймож своему собеседнику, когда прозвучали последние слова клятвы. – Его обычно принимали те, кто боялся так или иначе попасть в плен к врагам. Пока пилюля рассасывается на языке, произносится клятва-заклинание, и чары, наложенные на нее, сплетаются со словами клятвы. И в случае, если то, в чем клялся человек, все-таки происходит, срабатывает колдовство, и магия убивает своего носителя. Вы, сэр, можете прожить много лет и счастливо дожить до старости, а можете скончаться в тот же миг, как откроете рот и начнете рассказывать о том, что только что произошло. Пока молчите – вы живы. Скажете о нашем разговоре хоть слово – и вы мертвец.

Рыцарь наклонил голову, то ли соглашаясь, то ли внезапно осознав, во что ввязался. Но когда он снова поднял глаза, его взгляд выражал только спокойную решимость:

– Когда мне отправляться?

– Как только я закончу письма. – Магистр сел за стол, заваленный бумагами, нашел несколько наполовину исписанных листов. – Некоторые почти готовы. Извольте пока подождать.

Перо заскрипело по бумаге.

Проводив сэра Элдона, магистр подошел к окну, глядя в ночной мрак. Школа Драконоборцев заснула. Где-то там, набегавшись за день, без задних ног спали только что принятые в нее новички, не подозревая о том, что если сэру Лаймому удастся довести задуманное дело до конца, у них впереди не так уж много мирных лет.

Готику не спалось. Еще несколько минут назад, возвращаясь с вечерней пробежки, он думал только о том, как бы упасть на свою кровать и закрыть глаза. С непривычки ломило все тело, а ноги завтра непременно будут болеть и гудеть. Ох, задремать бы хоть на полчаса! Но стоило юноше положить голову на подушку, как сон куда-то испарился.

В казарме было тихо и темно, только в дальнем углу за ширмой горела свечка у дежурного. Он должен был поддерживать огонь всю ночь, дабы не оставлять спящих в полной темноте. Их тут двадцать человек, значит, хоть раз в месяц, а каждому придется отдежурить от заката до рассвета. Лишь сегодня, давая новичкам поблажку, там сидел какой-то служка.

Юноше было не до сна. Сжавшись в комок под тонким шерстяным одеялом, он лежал в постели и не мог отделаться от щемящего чувства одиночества. Он был один, совсем один в этом чужом холодном мире.

Дворец

Его величество король Нерит Айнский тоже не спал в эту пору, но совсем по другой причине, гораздо более приятной. Король навестил свою супругу, королеву, дабы зачать долгожданного наследника.

Шестнадцатилетний брак принес его величеству одну только дочь, принцессу Нерию, которой на днях исполнилось четырнадцать. Несмотря на то что принцесс выдавали замуж иной раз в тринадцать лет, девушка до сих пор не была ни с кем помолвлена, ибо еще не было известно, что принесет она своему супругу – громкое имя и связи или корону.

Ее величество королева беременела за последние десять лет несколько раз, но с неизменно печальным результатом. Когда принцессе было четыре года, вся страна ожидала появления наследника. Но это был Год Дракона, и никто не удивился, когда у королевы случился выкидыш.

В другой раз беременность завершилась в срок, но младенец родился обмотанным пуповиной и задохнулся, прежде чем вышел из чрева матери. Королевская чета совершила еще одну попытку – и вся страна возликовала, когда на свет появился здоровый младенец. Но дети иногда умирают, даже если это дети самого короля. Принцу было два месяца, когда он без видимых причин тихо скончался во сне.

Трудно передать, как король и королева оплакивали этого ребенка. А когда еще через год случился очередной выкидыш, придворные начали шептаться, что его величеству как можно скорее следует развестись с этой женщиной и жениться вторично. Ко двору стали приглашать незамужних дочерей и младших сестер своих супругов в надежде, что на одну из них падет благосклонный взгляд монарха. Несколько раз бывало, что Нерит Айнский увлекался прелестями очередной фаворитки, но, продержавшись пару недель, от силы месяц в блеске и славе, красавица быстро становилась женой какого-нибудь придворного и исчезала в глуши провинции.

И вот, наконец, его величество Нерит Айнский уединился в супружеской спальне, чтобы исполнить приятный и вместе с тем важный и нужный акт зачатия наследника престола.

Несмотря на то что женаты были уже более пятнадцати лет, супруги увлеклись процессом настолько, что совершенно забыли о времени. Вслед за первым актом последовал второй, потом третий, после чего утомленный непривычно долгим в его сорок лет «забегом» король вознамерился просто и без затей вздремнуть на плече у не менее утомленной супруги.

То есть лишь подумал о том, что неплохо бы вздремнуть, ибо стоило королю смежить веки, как в двери забарабанили весьма непочтительным образом.

– Кто? Что? Война? – Его величество резко сел на постели. – Стража!

– Умоляю, мой государь, не надо никого звать! – донесся с той стороны взволнованный голос. – Это я, я!

– Целок? – От негодования, что какой-то придворный поэт осмелился потревожить своего господина в столь неподходящий момент, Нерит Айнский был готов самолично затянуть петлю на шее наглеца.

– Но вы же сами позволили поставить вас в известность сразу же, когда я закончу перевод...

– Перевод? – Король нехотя вылез из постели. Нехотя – потому, что удивленная королева продолжала за него цепляться. Но что возьмешь с женщины? Во дворце вообще мало кто знал, какие отношения связывают короля и поэта, по совместительству придворного шута.

– Да, ваше величество. Я дописал последние строчки несколько минут назад и сразу отправился на поиски...

Одевшись, Нерит Айнский вышел из спальни. Невысокий болезненного вида человек согнулся перед ним в поклоне:

– Все готово!

– Идем, Целок. – Король направился к выходу. – Кто-нибудь еще знает?

– Никто. Я понимаю, что должен был поставить в известность лорда-канцлера, вашего брата, и послать гонца к драконоборцам, но...

– Сначала – перевод! – Его величество прибавил шаг. Стража шагала след в след, держась на почтительном расстоянии. Целок семенил рядом.

Несколько недель назад под завалами одного из разрушенного драконами храма – разрушен он был давно, но у казны не хватало средств для ремонта, – обнаружили кипу странных писем. Написанные на плохо сохранившемся пергаменте, перевязанные обычной веревкой, они почему-то заинтересовали короля. Вернее, заинтересовало сопроводительное письмо некоего Миртаха к местному священнику: «Святой отец, мне наконец-то удалось их добыть. Не буду писать, чего мне стоило получить оригиналы Свитков Безумного Лорда, но вот они тут, перед вами. Надеюсь, там отыщется ответ на все ваши вопросы...»

Простенькое письмецо, и не должно было оно возбуждать чужого любопытства, но про Безумного Лорда знали. Во время одного Года Дракона он потерял жену и единственную дочь. Их не убили – тела исчезли бесследно. Безумный Лорд был уверен, что женщину и девушку – дочери его было почти шестнадцать лет – похитили драконы и отправился к ним «за справедливостью». Тут его впервые окрестили Безумным, ибо только безумец согласится по доброй воле отправиться туда, откуда, если верить рассказам очевидцев, бегут даже дикие звери. Но Лорд мало того, что ушел – одиннадцать лет спустя, накануне нового Года Дракона, он вернулся домой целым и невредимым!

Он прожил еще более двадцати лет и до последнего что-то писал. Большую часть его писем и свитков сожгли родственники, но несколько произведений уцелело. Орден Драконоборцев охотился за ними, ибо Безумный Лорд писал в основном о драконах. Почти десять лет он прожил с этими существами. Изучил их нравы, стал обладателем уникальных знаний. Поговаривали, что в конце жизни у него неожиданно проснулся дар пророчества – уже практически на смертном одре он записал несколько зашифрованных стихотворений. Обрывок одного из стихотворений случайно попал в руки священнику, провожавшему умирающего в последний путь – он использовал исписанный с двух сторон листок как закладку в священной книге. Именно с его легкой руки миру и стали известны Свитки Безумного Лорда – собрание пророческих текстов. И вот уже много лет за ними велась охота.

На пороге библиотеки Целок забежал вперед, распахивая дверь перед монархом, но тут же обогнал его, юркнув в проход между стеллажами. В дальнем углу огромной, заставленной книжными шкафами, стеллажами, сундуками и этажерками залы несколько шкафов отгораживали маленькую комнатку.

– Прошу, ваше величество! – Целок нырнул за стол, стал лихорадочно рыться в бумагах. – Ну, тут есть несколько старых переводов... черновики... Где же оно? А, вот! Извольте... Сие окончание последнего трактата:

...кровь, разорение, горе и глад
Вам принесет дракон.
Огненным зевом своим с небес
Он протрубил зарю.
Заполыхают поле и лес —
Истинно говорю!

– Это все я уже слышал, – перебил король. – Где главное?

– Вот, на отдельном листке!

Тысяча смелых горячих сердец
Страстью опалено.

Битве жестокой не виден конец,
Отдыха знать не дано.
Страсти-драконы кипят в крови,
Разум и чувства не спят.
Вечно драконы над миром живых
Власть утверждать хотят.
Но непреложен судьбы закон!
Так предрекает он:
Жертвенной кровью своей дракон
Будет да побежден!⁵

– И это все? – помолчав, поинтересовался Нерит Айнский.

– Все, ваше величество. Извольте сравнить – слово в слово... Правда, пришлось кое-где немного переделать – я все-таки поэт с дипломом, а Безумный Лорд, при всех его прочих несомненных достоинствах, поэтом отнюдь не был. Чувства ритма никакого, рифма хромает...

– Короче! – Широкая ладонь шлепнулась на столешницу. – Ты сумел не только перевести, но и расшифровать текст? Что могут означать последние строчки?

– Все очень просто. – В тоне Целока причудливо переплелись придворная вежливость и снисходительное превосходство истинного гения над дилетантом. – Требуется кровавая жертва!

– Опять? Год Дракона пока не настал! Новый цикл еще не завершен. Сколько можно жертв?

Король набрал полную грудь воздуха, чтобы кликнуть стражу – та отволочит вызвавшего монарший гнев придворного в застенки и... В самый последний момент, спасая свою свободу и жизнь, Целок воскликнул:

– Но, государь, на сей раз речь идет не об обычной жертве! Там же ясно сказано: «Жертвенной кровью *своей*...» Следовательно, не мы должны принести кровавую жертву, а *нам*!

– Кто? Драконы? В честь чего господин станет кланяться слуге? Не заговаривай мне зубы, Целок!

– Но ваше величество! Я так вижу! Это сказано в пророчестве...

– ...Безумного Лорда. Мне нужны доказательства. Слышишь? Доказательства! Представь их – и как можно скорее!

С этими словами Нерит Айнский покинул библиотеку. Настроение испортилось. И стоило вылезать из теплой супружеской постели ради того, чтобы услышать несколько рифмованных строчек? М-да, надо признать, что бумаги принесли лишь разочарование. Что ж, продолжим поиски.

⁵ Стихи автора.

Глава 2

Дождь

Восемь недель спустя

Как приятно спится под шум осеннего монотонного дождя!

И как же неприятно выскакивать из нагретой постели при резком звуке колокола.

Готик еще досыпал, а тело уже среагировало само – в конце концов, недавнему оруженосцу не в диковинку были ранние подъемы. Кубарем выкатился из постели, вслепую цапнув лежавшие на сундучке штаны и, распрямляясь, начал их натягивать. Вслед за штанами последовала рубашка.

Он, как и другие ученики, еще возился с одеждой, а дверь в казарму уже распахнулась от мощного пинка.

– Шевелитесь, сонные мухи! – гаркнул знакомый голос старшего наставника, брата Акимира. – Бегом на плац! Опоздавший – без завтрака!

Снаружи шумел осенний нудный дождь. Тепло держалось очень долго, погода испортилась на днях, сразу принесся холод и сырость. Юноши успели только обуться и выскочили на улицу одетыми довольно легко.

В отличие от них, брат Акимир щеголял в кожаной куртке с надвинутым на голову капюшоном. Он прошелся вдоль строя.

– Кажется, кто-то на днях ныл, что пора внести разнообразие в тренировки? – задал он вопрос и тут же сам на него ответил: – Ваши молитвы дошли до Создателя. Посмотрите, какая прекрасная погода! И вас ждет ваша любимая полоса препятствий!

– Опять вымажемся, как сервы, – проворчал Пасак.

– Ничего, найдем, кто все постирает, – ответил Яунист.

– Разговорчики в строю! – прикрикнул брат Акимир. – Бегом! Бегом!

– Когда я говорил о разнообразии тренировок, то имел в виду исключительно эти ежедневные гонки, – буркнул себе под нос недавний рыцарь. – А вовсе не погоду!

Осенние дни короче летних, и юноши выбежали в серый сырой сумрак, прямо под дождь. Невольно втягивая головы в плечи и на бегу выстраиваясь в одну линию, они трусцой направились делать комплекс упражнений – три круга бегом вокруг казарм, потом полоса препятствий, потом гимнастика.

Небольшой перерыв был даден только на завтрак – обильный, но легкий, чтобы попавшая в желудок пища не мешала дальнейшим упражнениям. Дождь к тому времени ослаб, превратившись в мелкую морось.

После теплой духоты трапезной выходить на улицу не слишком хотелось, но брат Акимир, который занимался физической подготовкой новичков, едва ли не силой заставил их выбраться на улицу.

– Хватит без толку махать кулаками, – заявил он после очередной разминки. – Сегодня вы попробуете отработать друг на друге все то, что учили ранее. Один бьет, а другой уворачивается.

– И не отвечать ударом на удар? – воскликнул кто-то.

– Нет. До этого вы пока не доросли. Только уворачиваться, но не сметь поднять руки на своего противника... Разбиться по парам!

Большинство юношей выбрали себе пары из числа тех, кто оказался поблизости. Готику достался Пасак. За минувшие недели новички успели перезнакомиться. Пасак был сыном обедневшего лорда – пятого или шестого сына в весьма многочисленном семействе. У него не хватило денег на выкуп богатой невесты, и пришлось довольствоваться просто-

людишкой, чей обеспеченный отец решил, что титул жениха вполне компенсирует отсутствие у него богатства. У Пасака было четыре сестры, которых надо было выдавать замуж, так что для юноши шансов куда-то выбиться практически не оставалось. Приглашение в Школу Дракоборцев было подобно грому среди ясного неба – ведь считалось, что встать в ряды воинов прославленного Ордена могут лишь дети самых богатых и влиятельных лордов. Но вот поди ж ты – его выбрали! И приняли с такой ничтожной платой, что оставалось лишь удивляться. Впрочем, как выяснилось, примерно треть братьев-дракоборцев так или иначе происходила из горожан или вилланов. В последнем наборе такими кроме веснушчатого Садуго были еще трое, а ходивший хвостом за Яунистом Ширд оказался сыном судьи. Самыми знатными оказались Яунист, Готик и еще один юноша, Юрат.

Пасак уворачивался от выпадов Готика виртуозно – сказала служба у лорда, который частенько поколачивал своих пажей и оруженосцев, справедливо полагая, что за науку надо платить, а быть лордом – значит всячески унижать тех, кто слабее. Готик очень старался, но ни разу не мог зацепить напарника. Тот извивался, пригибался, приседал, прыгал, ускользая в самый последний момент. Ширду в этом смысле приходилось немного хуже – он уже несколько раз «словил» удары Яуниста в живот, плечо и в ухо.

– Поменялись! – прозвучала команда брата Акимира.

Пришло время Готика уворачиваться, пытаясь защититься от кулаков Пасака. Чисто машинально, как бывало на прежних тренировках, он выставил вперед согнутую в локте левую руку, закрываясь ею, как щитом.

– Молодец! – послышался голос наставника. – Сам додумался? Хочешь совет? Вторую руку держи так же. И не прижимай локти к животу. Иначе – смотри...

Отстранив Пасака, брат Акимир сам нанес удар, целясь именно в локти. Не успев опомниться, Готик рухнул в грязь.

– Хорошо, что упал! – Дракоборец встал над ним и протянул руку, помогая подняться. – Если бы попытался устоять, непременно отбил бы живот... А теперь – поменялись партнерами!

Пасак пожал плечами и отошел. Его место занял рослый, прекрасно сложенный рыцарь Юрат, который только что стоял в паре с Авидаром. Тот теперь оказался напротив Ширда, а его место подле Яуниста занял веснушчатый Садуго. Паренек бросил на своего напарника затравленный взгляд – он побаивался молодого рыцаря, и тот пользовался внушаемым страхом. Вот и сейчас он, улучив момент, сунул под нос Садуго кулак:

– Только попробуй до меня дотронуться – узнаешь, где раки зимуют! И сам не вздумай дергаться – хуже будет!

– Начали! – хлопнул в ладоши брат Акимир. – Первые номера!

– Нападай! – широко улыбнулся Юрат. Уже полгода тому назад получивший рыцарские шпоры, он считался опытным бойцом. Готик успел войти во вкус, соревнуясь с напарником в скорости, но не успел разочароваться в его неуязвимости, как послышалось:

– Поменялись!

За тренировкой из-за тяжелой темной портьеры, бордовой с золотым рисунком, наблюдали двое. Вернее, сперва один человек долго стоял у окна, глядя на покрытый лужами плац и два десятка новичков. Второй подошел позже, взглянул через плечо:

– Что вы там высматриваете, брат?

– Наблюдаю за нашей будущей сменой. – Сэр Альдон указал подбородком на юношей.

– Мальчишки не выкладываются по полной программе, – наметанным глазом определил сэр Лаймож. – Думаю поговорить с братьями-наставниками об увеличении нагрузки.

– Но они и так тренируются намного больше, чем обычно! Я состою в Ордене уже почти пятьдесят лет и не помню, чтобы когда-либо с новобранцами занимались столь интен-

сивно. Каждый день, с утра до вечера, без перерывов и выходных! Многие парни засыпают во время вечернего молебна даже сейчас, два месяца спустя.

– Значит, набрали слабаков и придется повторить набор.

– А зачем? – Старый рыцарь внимательно смотрел на учеников, невольно отмечая, кто как двигается. Перспективных ребят в этот раз много, очень много! А тех, кто показывает слабые результаты в овладении боевыми навыками, пожалуй, стоит показать братьям-магикам. Авось в этих слабаках скрыт магический потенциал, который грех не использовать и не начать развивать. – Может быть, стоит просто снизить нагрузки? Хотя бы для некоторых?

– Уже присмотрели себе любимчика? Ждете первого турнира, чтобы можно было выбрать личного ученика?

Старый мистик покачал головой. Обычно большую часть новичков после первого года обучения выставляют на закрытый турнир, где новобранцы показывают, чему обучились под присмотром братьев-наставников. Самых перспективных, занявших на этом турнире первые двадцать мест, разбирают лучшие рыцари-драконоборцы, чтобы воспитать достойную смену. У остальных есть шанс отличиться на следующий год – или распрощаться с мечтой стать драконоборцем навсегда. Некоторые из таких «несчастливчиков» все-таки остаются в Ордено – конюхами, привратниками.

– Опять откажетесь, предоставив эту честь другому? – Сэр Лаймож намекал на привычку своего собрата в последнее время отказываться от любых попыток как-то сделать карьеру или просто выделиться из числа окружающих. В последнюю войну он, например, пошел без молодого спутника-воспитанника, в то время как некоторые повели в бой двух-трех молодых рыцарей. Сам сэр Лаймож сумел воспитать троих, из которых двое сейчас были живы и здоровы. Неплохой результат, если учесть, что примерно для половины новичков первый бой, как правило, становится последним.

– Я думаю. – Старый мистик смотрел на юношей под дождем. – У меня нехорошее предчувствие...

– У меня тоже, – согласился сэр Лаймож.

В те дни, к северу отсюда

Сэр Элдон скакал на север. Чем ближе к предгорьям, тем больше встречал он признаков разорения – люди, жившие ближе к горам, настолько привыкли к тому, что их дома разрушают, что не очень-то стремились их восстанавливать. Впрочем, не все. Более светлый расцвет, скреплявший камни замков, выдавал места, где были починены разрушенные стены. Рядом со старыми плодовыми деревьями в садах росли молодые. Распахивались пустоши. И животы у некоторых женщин топорщились под передниками. Предыдущий Год Дракона забрал многих мужчин, и следовало как можно скорее нарожать новых людей. В первые годы цикла женщины рожали чуть ли не ежегодно, но сейчас беременных становилось все меньше. И если знатные леди еще могут позволить себе как-то не следовать двенадцатилетнему циклу, то у сервов это что-то вроде закона природы. Чем ближе очередной Год Дракона, тем меньше в деревнях будет новорожденных младенцев. А накануне многие отправят своих домашних подальше на юг, спасая жен и детвору от ужасов войны. Мужчины останутся защищать дома, и рыцари-драконоборцы встанут в первых рядах...

То есть вставали прежде. Ибо, если сэру Элдону и магистру Лаймозу удастся задуманное, привычный ход вещей в кои-то веки окажется нарушенным.

Рыцарь-драконоборец верил своему наставнику, ведь именно его когда-то выбрал сэр Лаймож Победитель. Выбрал, несмотря на то, что юноша занял двадцать первое место в турнирной таблице. Шансов тогда было очень мало – предпоследний набор включал почти сотню юношей. И у сэра Лаймоза уже был воспитанник – тот, кто в том году стал победителем турнира... Но приор сумел разглядеть что-то в случайно оставшемся за бортом пре-

тенденте, и за это Элдон был готов пойти в огонь и воду по первому приказу. Или, применительно к данной ситуации, полезть в горы и спуститься в пещеры.

Дворец

Его величество король Нерит Айнский нервно мерил шагами переднюю в покоях жены. Он не волновался так все предыдущие четыре раза, когда у королевы начинались роды. И когда порог ее опочивальни переступила повитуха, лишь королевское воспитание и привычка контролировать свои эмоции помешали монарху схватить женщину за грудки и начать трясти ее, как грушу.

– Ну что? – только и смог выдать он.

Впрочем, по его лицу повитуха сама прочла все обуревавшие короля чувства. Широкая улыбка раздвинула ее губы:

– Поздравляю, ваше величество! Ваша благородная супруга, несомненно, беременна!

– А... кто?

– Увы, я не Создатель. – Женщина развела пухлыми руками. – На таком малом сроке еще сложно что-либо определить. Вот когда младенец через три месяца начнет шевелиться, тогда и можно искать ответ на этот вопрос.

– О Создатель! – Король Нерит упал на колени, простирая руки к потолку. – Умоляю тебя, пусть это будет сын!

Его несдержанность и волнение были вполне понятны: не так давно совет лордов дал ему понять, что это для его величества последний шанс обзавестись ребенком именно в этом браке. Если по истечении года королева не произведет на свет сына, Нериту Айнскому придется выбирать – либо разводиться и жениться второй раз, либо отдать корону младшему брату, у которого, как нарочно, был сын, пятилетний мальчишка. Можно было пойти и третьим путем – объявить своей наследницей единственную дочь, что непременно приведет к смене династии. Ибо в этом случае придется либо искать жениха за границей, либо обручить девушку с сыном кого-то из своих советников. А тут, как назло, вариантов было не так уж много – большинство женихов были либо слишком юны, младше десяти лет, либо уже взрослые и даже женатые. На всем континенте лишь один или два не наследных принца крови в соседних странах достигли подходящего возраста – одному было шестнадцать, другому девятнадцать лет. На наследных принцах, старших сыновьях в семьях, женить наследную принцессу было опасно, ибо в этом случае королевство переставало существовать, входя в состав владений жениха, теряя независимость. По этой же причине отпадали все соседние страны... В общем, выбор был невелик и невероятно сложен. А мысль о том, что женщина в состоянии справиться с чем-то без руководящей и направляющей длани мужчины, даже не приходила в голову никому из советников.

– Мы будем молиться за это всей душой, ваше величество. – Повитуха почтительно склонилась перед королем в поклоне и поспешила вернуться к королеве, дабы известить ее о той радости, которую испытал ее супруг при этом известии.

Сам Нерит Айнский, выпрямившись, обернулся к скромно стоявшей в уголке невысокой девушке.

– У тебя скоро родится брат, – промолвил он дрогнувшим голосом.

– Я рада, отец, – произнесла та.

Принцессу Нерию Айнскую можно было назвать привлекательной, симпатичной и даже оригинальной, но красавицей ее звали лишь в том случае, если хотели подольститься к венценосным родителям. Ибо всем известно, что принцессы дурнушками не бывают. По сравнению с какими-нибудь дочками сервов она была, несомненно, красива – но это если тех не причесывать, не умывать и не наряжать накануне соревнования. Все в ней было обыкновенное: прямые брови, серые глаза, прямой нос. Даже ее губы не походили ни на «лепестки

роз», ни на «две спелые вишенки», как любят выражаться поэты. Просто губы, которые она время от времени кусала, чтобы к ним прилила кровь. Зная, что ей не придется самой искать жениха, принцесса не умела кокетничать. И, хотя она была далеко не глупа и получила прекрасное образование, ей не перед кем было блистать умом и образованностью – кроме нескольких фрейлин, родителей и пажей, она почти ни с кем не общалась. И даже на официальных приемах, куда ее стали приглашать с десяти лет, девушка все больше молчала, стоя или сидя подле отца.

– Когда младенец родится, мы найдем тебе жениха, – сказал Нерит Айнский, желая как-то подбодрить дочь. – Ты ведь хочешь замуж?

– Да, отец. – Принцесса потупила взор, присев в реверансе. – Воля ваша...

– Не слышу радости в голосе! – воскликнул король, уверенный, что каждая женщина создана лишь для того, чтобы украшать, облегчать или дополнять жизнь своего избранника.

– Я радуюсь, – заметила его дочь, – но девице моего происхождения не следует визжать и прыгать на одной ножке, как какой-нибудь простолюдинке, которой пообещали новые бусы.

– Ты умна, – заметил отец. – Твой супруг будет доволен, получив такую рассудительную жену...

Или, наоборот, проклянет свой брак, если вдруг окажется недостаточно умным для принцессы крови. Впрочем, настоящая женщина никогда не даст мужу понять, что он не настолько умен, как должно. Наоборот – скорее она поглупеет, дабы первенство по-прежнему оставалось за мужчиной.

– Впрочем, ступай к себе. – Нерит Айнский взмахом руки отпустил девушку. Принцесса еще раз поклонилась отцу, подставила лоб для отеческого поцелуя и ушла.

Школа Дракоборцев

Намахавшиеся руками и ногами юноши испустили дружный вздох облегчения, когда незадолго до ужина – тренировка продолжалась почти восемь часов без перерыва – их отпустили немного передохнуть. И не просто передохнуть – им разрешили, натаскав воды, нагреть ее в чанах и искупаться, тем более что каждый как минимум дважды за утро уже падал в грязь, и все были перепачканы с головы до ног.

Баня была устроена в каменной пристройке к кухне – полутемном помещении с низкими сводчатыми потолками и крошечными окошками. Пол был выложен камнем с желобками для стока грязной воды. Вдоль стен на лавках уже были разложены льняные полотенца, куски желтого едко пахнущего мыла, густой травяной настой для мытья волос и смены чистого белья. Тут же стояли корыта, где можно простирнуть грязную одежду. Воду для умаявшихся новичков тоже нагрели заранее, но наполнить ею чаны, чтобы выкупаться, и корыта, чтобы стирать, юноши должны были самостоятельно.

Юнист первым, на ходу стаскивая грязную одежду, прошел к лавке и сел, прислонившись к стене и вытянув ноги.

– Хорошо, – промолвил он. – А вы чего застыли? Живо взяли за ведра и натаскали воды! Первыми моются благородные господа!

Юрат и еще трое молодых лордов присоединились к нему, предоставив остальным таскать воду. Готик заколебался. С одной стороны, он был баронетом и мог с чистой совестью сидеть на лавке в ожидании, пока для его омовения все приготовят. А с другой, юноша уже привык не отлынивать от работы. Тем более что Пасак, который по происхождению тоже не был простолюдином, уже направился за ведрами.

Вообще, несмотря на то, что наставники не делали различий между учениками, в группе само собой сложилось некое разделение на благородных и простолюдинов. Это в первые дни все толпой кидались заправлять постели, подметать плац, стирать, убирать и

помогать на кухне. Теперь же все чаще лишь половина юношей занималась делами, а остальные лишь делали вид. И надо сказать, многие братья-драконоборцы, даже если и замечали, смотрели на это сквозь пальцы.

– Готик, иди сюда! – Юрат, приглашая, похлопал по скамье рядом. Возрастом, сложением и, самое главное, имевшимся рыцарским званием он был равен Юнисту, но был не в пример либеральнее.

Отказываться от подобного приглашения было глупо, и юноша направился к скамье, но в это время тот же Юрат прикрикнул:

– А ты чего расселся? Марш за водой!

Веснушчатый Садуго, тяжело дыша, присел на край лавки. Самый маленький, юный и хлипкий, он намного тяжелее остальных переносил ежедневные тренировки. А сегодня, когда отрабатывали удары, он падал едва ли не чаще всех остальных.

– Я сейчас, – прошептал он. – Только немножечко...

– Бегом!

– Можно мне передохнуть? Я устал.

– Можно подумать, мы не устали! А ну, встал живо!

Садуго допекали так или иначе почти все – в каждом мальчишеском коллективе рано или поздно находится такой слабак, жертва, на которой все срываются. Одни всерьез тренируют и при случае лупят отщепенца, другие просто не вмешиваются, дабы не оказаться на его месте.

– Что вы к нему пристали? – спокойный голос положил конец разборке. – Я принесу воды!

Авидар взял два ведра, направляясь к чанам.

– Отлично! – не стал спорить Юнист. – Тогда вот тебе еще, держи!

Скомканная грязная рубашка и штаны полетели в спину Авидара.

Тот действовал машинально. Крутой поворот, полуприсед, взмах рук – ведра он так и не выпустил, – и отбитая в полете рубашка упала на пол.

– Воды я принесу, – в повисшей тишине промолвил юноша, – потому что вымыться надо всем. А свои вещи каждый будет стирать сам.

– Что? – Юнист вскочил. – Да кто ты такой, чтобы тут командовать?

– Мое имя – Авидар, если ты еще не удосужился запомнить, – отчеканил тот. – Я – старший сын вождя, и в моем племени принято заботиться о тех, кто меньше и слабее.

– А может, тебе, блондинчик, просто нравятся такие конопатые малыши? Ну, не знал! Я думал, тебе другие мужики по вкусу...

Он не договорил. Разжав руки, чтобы выпустить дужки ведер, Авидар молча, без принятых у горцев боевых кличей, ринулся на молодого рыцаря.

От первого удара Юнист уклонился и даже попытался провести контрприем, но дальше последовал резкий выпад ногой в живот, от которого молодого рыцаря просто смело, размазав по скамье. Несколько секунд он ошеломленно хватал разинутым ртом воздух, а потом заорал что-то нечленораздельное и вскочил, кидаясь в драку.

Авидар не дал до себя дотронуться – развернувшись вполоборота, он перехватил левой рукой запястье правой руки противника и крутанул вокруг себя, попутно «приласкав» затрепачиной. От толчка Юнист пробежал несколько шагов, врезавшись в чан и перегнувшись пополам.

– Взять его!

Готик ошеломленно вытаращил глаза. Ширд, хвостом ходивший за молодым рыцарем, тут же последовал прямому приказу, но, брошенный через бедро быстрым отточенным движением, полетел на пол.

– Да ты... – прохрипел он, выпрямляясь, – да я тебя...

Еще несколько человек придвинулись ближе. Пригнувшись, слегка расставив руки, Авидар крутанулся на пятках, оценивая новых противников.

– Все назад! – Юнист сумел выпрямиться и сделал шаг. – Он – мой!

Неизвестно, что заставило Готика вмешаться – то ли воспитание, то ли осознание правоты светловолосого горца, но он вскочил, вставая между противниками:

– Хватит! Отстань от него, Юнист!

– А, все понятно! – севшим от злости голосом рассмеялся тот. – Боишься, как бы я не попортил личико твоему дружку? Ты хоть знаешь, что он тебе изменяет с тем сопляком?

– Что я вижу? – В золотых глазах Авидара заплясали смешинки. – Ты ревнуешь? Должен тебя разочаровать...

Дальше Готик уже не слушал, очертя голову кинувшись в драку. Приемов, которые продемонстрировал Авидар, он не знал и по-простому врезал молодому рыцарю в ухо. Тот не остался в долгу, и противники покатались по полу, задевая чаны, ведра, лавки и угощая друг друга полновесными тумаками.

– Чего стоите? – воскликнул Юрат. – А ну-ка...

Ширд, Пасак и еще несколько юношей, не дослушав, кинулись в драку, и уже через минуту на полу образовалась настоящая куча-мала.

Положение спас – или, наоборот, все испортил – Садуго, из-за которого все и началось. Веснушчатый парнишка кинулся вон из бани, крича во все горло:

– Скорее! Там драка! Драка!

Вбежавшие на крики рыцари не церемонились: кого за шиворот, как нашкодившего кота, кого пинками, как пса, они мигом расшвыряли драчунов по углам. Готику заломил руку назад брат Квактол. Еще двое рыцарей держали Юниста, который разве что пену изо рта от злости не пускал.

– Из-за чего драка? – поинтересовался брат Акимир.

– Из-за меня, – вперед шагнул Авидар.

– Вот как? Интересно! Ты девица или драконоборец?

Со всех сторон на ответ на это заявление послышались смешки.

– Сэр, этот человек, – в голосе Авидара зазвенел металл, он простер руку в сторону Юниста, – как раз и обвинил меня в этом. Я ответил ему, ибо не могу допустить, чтобы кто-то марал мою честь.

Молодой рыцарь, у которого на пол-лица наливался синяк, презрительно скривился, пробормотав что-то насчет того, что у некоторых голодранцев чести нет и быть не может.

– А Готик, – как ни в чем не бывало продолжал юноша, – вступился за меня. Он поступил, как настоящий рыцарь, пытаясь остановить ссору, но...

– Он меня первым ударил! – воскликнул Юнист.

– После того как ты сказал, что я... что мы с ним... с этим... – От возмущения Готик не мог внятно говорить. – Сэр, он обвинил меня в мужеложстве!

– И ты из-за этого так его отделал?

– Ему еще мало досталось!

– Достаточно, – негромкий властный голос остановил перепалку. В баню шагнул сам сэр Лаймож, сопровождаемый сэром Альдоном. – Вижу, у вас достаточно сил, чтобы трахать их на глупые ссоры, препирательства и драки. Ничего, это можно исправить. Вы только посмотрите, брат, – обратился он к своему седоголовому спутнику, – а вы еще ратовали за уменьшение нагрузок! Из них энергия так и прет! На них пахать впору!.. Устройте им *тренировку*, – добавил он, кивнув брату Акимиру.

Руки, державшие противников, разжались, но брат Квактол на всякий случай занял позицию между ними, чтобы не дать драке возобновиться. Сэр Альдон ничего не сказал, но

бросил на Готика такой взгляд, от которого юноше сразу захотелось не просто провалиться сквозь пол, но и вообще закопаться в землю ярда на три и не высываться больше никогда.

– Всем остальным – домываться, – распорядился сэр Лаймож. – У вас осталось не так уж много времени. Потом брат Квактол займется вашими тренировками до ужина. Кто не успеет вымыться, пусть пеняет на себя... И на эту троицу, из-за которой у вас не осталось времени на мытье и отдых. После ужина и молебна – уборка конюшен. Пока не почистите все стойла – никакого отбоя.

С этими словами он покинул баню, сопровождаемый сэром Альдоном и большей частью рыцарей. С учениками остались лишь брат Акимир, брат Квактол и еще трое.

– Хороши, нечего сказать, – процедил их наставник. – Два месяца прошло, а кое-кто заработал уже второе наказание! Видимо, кому-то не хочется стать прославленным рыцарем... Можете быть уверены, Орден сам не заинтересован в том, чтобы такие личности пятнали его репутацию недостойным поведением. Одевайтесь и следуйте за мной!

Яунист, бросая на Готика и Авидара подозрительные взгляды, старался держаться поближе к брату-драконоборцу, стараясь заодно встать так, чтобы его отделяли от парочки как минимум двое рыцарей.

Вся компания – брат Акимир, наказанные ученики и двое из трех «конвоиров» – покинула пределы Ордена, перейдя по перекидному мосту. Впервые за долгое время юноши очутились за пределами замкнутого мира и озирались по сторонам.

Снаружи царила осень. Трава на лугу пожелтела и завяла, роща невдалеке и кроны отдельно стоящих деревьев окрасились в золото и багрянец, и лишь кое-где еще виднелись пятна чудом уцелевшей зелени. На разбитых возле стен обители огородах уже добрая половина урожая была убрана – остались лишь капуста, семенная редька и свекла. На полях было убрано зерно и уже росли озимые. Несколько терновых кустов, росших возле рва, были усыпаны темно-синими ягодами. Воздух был прозрачен и пах как-то по-особенному. В небе среди облаков перекликались летящие к югу птичьи стаи. Дождь перестал совсем, но тучи по-прежнему закрывали небо, и порывистый ветер ничего не мог с ними поделать.

Пока юноши озирались, отставший на полпути третий драконоборец вернулся, ведя в поводу двух лошадей. На одну из них мигом взобрался брат Акимир.

– Что встали? – поинтересовался он у троицы. – Побежали! Вокруг крепостной стены! Живо!

В воздухе свистнула плеть. Пришлось подчиниться.

К вечеру погода испортилась снова. Холодный пронизывающий ветер пригнал откуда-то тучи, которые с радостью разродились новым проливным дождем. Но ни ветер, ни надвигающаяся темнота, ни ливень, ни грязь, в которую постепенно превращалась земля под ногами, не могли остановить экзекуцию. Нет, юношей не избивали, не нагружали тяжелой работой, которая более приличествует сервам. Просто они вот уже несколько часов трусцой бегали вокруг крепостной стены под зорким присмотром наставников. Рядом с ними на хорошей лошади рысил брат Акимир, следя за тем, чтобы наказанные не переходили на шаг, тем более не присаживались отдохнуть. Когда ближе к вечеру дела призвали его в монастырь, его сменил другой брат-драконоборец, на свежем коне.

– Не спать! Не спать! – покрикивал он, трюся чуть позади бегущих юношей. – Как драки устраивать, так все полны сил и энергии, а как потрудиться на благо Ордена, так нет никого!

– Самого б тебя так... – едва не сбив дыхание, проворчал Яунист, – погонять...

– Молчи! – коротко высказался Готик.

Усталость мало-помалу брала свое – все-таки они целый день отнюдь не сидели, сложа руки, – и злость на соученика куда-то подевалась. Хотелось есть, мокрая одежда липла к плечам и спине. Ноги разъезжались в грязи, смешанный с дождем пот заливал глаза. Дышалось

с трудом. Более привычный к нагрузкам, Юнист еще держался, а вот Готик с каждым шагом чувствовал, что ему все труднее удерживать взятый темп. И неизвестно, кто кого больше гнал – то ли наказанные с самого начала взяли с места слишком резво и невольно заставляли надсмотрщиков придерживаться прежней скорости, то ли сами братья-драконоборцы нарочно подгоняли наказанных. Во всяком случае, всадник трусил позади бегущих юношей, и тем угрожали еще и копыта рыцарского коня, попасть под которые не хотелось.

В ненастье темнеет быстро. Закат еле-еле виднелся за низкими тучами. Заворачивая за угол, Готик не удержался на ногах и чуть не врезался носом в землю. И врезался бы – если бы не крепкая рука, схватившая его за локоть и удержавшая от падения.

– Держись, – долетел ободряющий шепот.

Юноша оглянулся и встретил мягкий взгляд золотисто-янтарных глаз.

– Спасибо...

– Не спать! Не спать! – захохотали совсем близко конские копыта. – Это боевой конь, он приучен ходить по трупам!

Жеребец в самом деле уже привстал на дыбы. Пришлось снова пуститься в путь, чувствуя, как ноют натруженные ноги, колет в груди, а сознание начинает предательски меркнуть.

– Держись подле меня. – Оказывается, Авидар так и не отпустил его руку. – Если почувствуешь, что падаешь, хватайся.

– У вас еще есть силы болтать? Вперед! С ускорением! – Надзиравший за ними рыцарь прищипнул коня.

Юнист бросил на светловолосого горца весьма красноречивый взгляд – так смотрят на смертельного врага. Но сейчас молодой рыцарь был утомлен не меньше своих напарников и ограничился только взглядом. Все трое припустили бегом, путаясь в заплетающихся ногах.

В какой-то момент Авидар отцепился от Готика, но уже через пару минут, когда всадник слегка сдержал своего коня, руки юношей сами собой нашли друг друга, переплетя пальцы.

– Держись!

Готик снова споткнулся, и только крепкая рука удержала его от падения.

– Я не дам тебе упасть...

Юноша захотел кивнуть – и едва не завалился носом в грязь.

Цепляясь друг за друга, на заплетающихся ногах, поминутно спотыкаясь, они бежали и бежали. И не поверили своим ушам и глазам, когда, прищипнув коня, брат-драконоборец в три скачка обогнал их и взмахнул рукой:

– Достаточно! Возвращайтесь в казармы!

– А разве нас не отправят на гауптвахту?

Рыцарь расхохотался:

– Хватит с вас и этого! Или так уж понравилось бегать под дождем?

В теплом нутре казармы все уже спали, слышалось только сонное дыхание умаявшихся за день учеников. Из-за ширмы лучился слабый свет – там не спал дежурный. После свежего сырого воздуха аромат конюшни, который принесли с собой юноши, ощущался особенно остро. Впрочем, Готику и его товарищам по несчастью было не до того. Уставшие, они еле нашли силы стащить мокрые, неприятно льнувшие к телу тряпки, падая на постели.

Еще минуту назад юноше казалось, что он может заснуть стоя и даже лежа лицом в грязной луже, прямо под крепостной стеной монастыря, но стоило лечь, как сон убежал от его глаз. Его колотил озноб. Закутавшись в одеяло с головой, Готик трясся мелкой противной дрожью и никак не мог согреться, гадая, то ли он просто настолько замерз под осенним дождем, то ли это поднимает голову простуда.

– Эй! Готик!

Юноша поднял голову – за три кровати от него над постелями возвышалась светлая макушка Авидара.

– Ты спишь?

– Нет-т...

– Иди сюда! – Горец пригласительно похлопал ладонью по своей постели.

– Ты с ума сошел? – Забраться в постель к другому парню после того, что было сегодня в бане, было решительно невозможно.

– Ты весь дрожишь, я слышу, как стучат твои зубы. Ты замерз, а я теплый!

– Псих, – категорично высказался Готик. – Еще чего удумал! Согреет он меня...

– Дурень. Спина к спине ляжем! Иди, не бойся!

Какой-то горец осмеливается упрекать в трусости наследника баронов Дольских? Возмущению Готика не было предела. Завернувшись в одеяло, он, стараясь, чтобы за ширмой не услышал дежурный, босиком перебежал к Авидару. Тот уже отвернулся, уступив приятелю половину постели и, когда тот пристроился под боком, великодушно поделился своим одеялом.

Прижавшись к чужой спине, Готик неожиданно впрямь почувствовал тепло. От Авидара исходил настоящий жар, словно вместо юноши была нагретая печь. Он поелозил, устраниваясь поудобнее.

– Только – чур! – не поворачиваться!

– Ага, – долетело с той стороны. – Ты тоже!

– И это... как бы утром не заметили...

– Понятно. Я очень чутко сплю. Растолкаю, если что... Давай спать?

– Давай. – Озноб наконец прошел, уступив место приятной расслабленности. Веки закрывались сами собой, но уже на краю засыпающего сознания вдруг встрепенулась посторонняя мыслишка.

– Авидар? – Кулак тихо пихнул в бок приятеля.

– Ну, чего тебе?

– А как ты сегодня Яуниста... того... Нам таких приемов, по-моему, еще не показывали?

– Это наша национальная горская борьба. «Авалар» называется.

– «Авалар»? Похоже на твое имя.

– Ага. Оно как раз и означает «борец».

– А ты меня научишь?

С той стороны раздался странный звук – то ли всхлип, то ли стон.

– Научу.

Глаза, наконец, закрылись.

Пару дней спустя за много миль к северу

У трактирщика глаза давно уже слипались, но он упрямо боролся со сном, раз за разом протирая совершенно чистую стойку в поисках новых пятен, переставляя на полке кружки и бутылки. По-хорошему, давно пора пойти спать – трактир уже полчаса как закрылся, – но беда в том, что последний посетитель никак не желал уходить. Он сидел за столиком между окном и камином. Единственная свеча – вторая стояла на столе возле самого трактирщика и мрака отнюдь не разгоняла – озаряла точеное усталое лицо и широкие плечи. И ведь не выставишь за порог! Это не какой-нибудь местный забулдыга, а самый настоящий рыцарь-драконоборец! Трактирщик помнил, как в последний Год Дракона именно эти воины вставляли стеной против огнедышащих тварей. Местные жители, многие из которых были отменными охотниками, да и сражаться худо-бедно умели, всем скопом не шли ни в какое сравнение с этими людьми.

Кроме меча они владели еще и магией. Если бы не они, драконы от поселения не оставили бы камня на камне. В юности трактирщик сам мечтал стать драконоборцем. Ему было почти восемнадцать лет, когда пришел очередной Год Дракона. Трактир держали тогда его отец и мать. Мама с малолетними сестрами отправилась на юг, а он остался защищать селение. В трактире, который служил местом сбора и отдыха для ополченцев, часто вечерами сидели два рыцаря – старый и молодой. Старый развлекал сервов песнями собственного сочинения, молодой просто взирал на него влюбленными глазами. Потом молодой погиб. Погиб в бою, первым атаковав прилетевшего дракона и попав под струю его огненного дыхания. Его останки даже не стали отделять от расплавившихся, покореженных доспехов, а просто сложили в ящик и отправили на юг. Трактирщик потом подошел к оставшемуся одиноким рыцарю и, запинаясь и краснея, попросился в ученики... или оруженосцы... или слуги... Он был готов на все, но рыцарь лишь потрепал юношу по плечу и промолвил: «Каждый должен быть на своем месте и заниматься своим делом. Ты не сможешь заменить мне моего ученика – но и тебя никто не заменит за барной стойкой!»

В конце Года Дракона отец погиб, и его сын взял дело в свои руки. Встретил вернувшуюся с юга мать и сестер, помог начать жизнь заново, потом выдал всех девчонок замуж, сейчас растит своих детей, которые благополучно переждали последний Год Дракона в укромном месте. Иногда он вспоминал встреченного два цикла назад старого рыцаря. Где он? Жив ли? Именно благоговение перед братьями-драконоборцами заставляло его сейчас терпеливо ждать.

Склонившись над столом, приезжий читал письмо:

«В поселении, именуемом Козлиный Перевал, надлежит тебе отыскать надежного проводника, который проводит на другую сторону Перевала. Или же отправиться туда самостоятельно, используя следующие ориентиры, а именно: вверх по течению Козьего Ручья до его истока, далее строго на север по тропе до брошенного горского поселения. Оттуда следует взять чуть восточнее, обходя вставшую на пути вершину. Наверняка придется спуститься в долину, но рано или поздно придется опять подняться в горы. Вершина та называется Голова Козла. Проводник наверняка найдет более короткую дорогу, но вряд ли кто-то из горцев отправится в путь в это время года. Впрочем, я что-то слышал о некоем Безухом. Его настоящее имя знает, похоже, только он сам. Он много и часто помогал нашим братьям прежде; никто лучше него не умеет отыскивать тайные тропы в горах. Когда-то, много лет назад, он был рыцарем, но покинул Орден по одному ему ведомым причинам. Скажу лишь, что Безухим он был еще до того, как переступил порог Ордена. В анналах он записан как Иер Безухий. Вряд ли он сейчас в Козлином Перевале, но постарайся, во всяком случае, заодно разузнать что-либо о его нынешнем местонахождении. Если не как проводник, то как связной между тобой и Орденом он наверняка не откажется выступить. Будь с ним осторожнее. Иер Безухий хранит какую-то тайну – в свое время он тоже проглотил снадобье «обещанной смерти», так что не пытайся его разговорить».

– Эй, любезный!

Трактирщик встрепнулся – тишина уже начала на него давить. Оторвавшись от чтения письма, рыцарь смотрел ему прямо в лицо.

– Чего изволите? – В голове мелькнула мысль, что сейчас запоздалый гость спросит о комнате для ночлега. Как назло, после завершения Года Дракона второй этаж трактира решили не восстанавливать, только разобрали сожженные драконом балки и перекрыли крышу. Вместо восьми комнат там сейчас были две каморки с низкими косыми потолками. В одну свалили лишнюю рухлядь. Вторую еще можно использовать для ночлега, но не предложишь же благородному рыцарю соломенный тюфяк, брошенный на низкий топчан?

– Мне нужно найти Безухого. Иера Безухого, – бросив взгляд на письмо, произнес рыцарь. – Ты знаешь такого? Тут сказано, что он иногда бывает в здешних краях.

– Бывает. – Трактирщик постарался не выдать своего разочарования. – Заходил на днях. Скорее всего, сейчас он где-то осел до весны или подался на юг – зимой здесь тихо, в горы редко кто ходит. Торговцы только следующей весной появятся, и он с ними.

– Жаль. Мне он нужен сейчас. А куда ушел Безухий?

– Вы хотите отправиться по его следам? Он никогда не дает отчета, куда и зачем направляется. Все лето так и бродит по предгорьям – ищет, не нужен ли кому проводник. Сидит в трактире день-два, потом уходит дальше. Успеешь перехватить его – он получит работу. А нет – ему что! Пойдет бродить себе дальше...

– И чем же он живет? У него есть деньги, чтобы платить за еду, выпивку и ночлег на постоянных дворах?

– А духи его знают! – отмахнулся трактирщик тряпкой. – Когда есть деньги, он платит щедро, сдачу никогда не требует. Так что, если приходит совсем пустой, стаканчик я ему всегда в долг наливаю. Так сказать, на ту сдачу, которую он не потребовал в прошлый раз. Но про себя он мало что рассказывает. И никогда не скажет: «Иду туда-то и затем-то...» Всегда только про прошлое: «Был там-то и там-то, сделал такое-то дело...»

– Здесь сказано, что Безухий – бывший драконоборец. Вы что-то об этом слышали?

– Нет, – удивленно покачал головой трактирщик, который когда-то сам мечтал быть рыцарем. – Ничего подобного он никогда не рассказывал. Хотя оружие при нем всегда настоящее... В смысле меч на боку носит точь-в-точь, как вы, господин. И обращаться с ним умеет – любо-дорого посмотреть. Где-то учился, это точно, – добавил он с тихой завистью.

– А про его прозвище Безухий... это правда?

– Правда.

Услышав от двери низкий глухой голос – старика или простуженного человека, – и рыцарь и трактирщик чуть не подпрыгнули на месте. Ни скрипа двери, ни шагов слышно не было, но на пороге возник высокий худой тип в длинном плаще и надвинутом на глаза капюшоне.

– На улице опять дождь, – проворчал он. – Развела природа грязь... Плесни чего-нибудь горячего, хозяин. А то просто принеси кувшин, мы тут сами...

С его плаща и сапог текла вода.

Направившись прямо к столу, за которым сидел рыцарь, незнакомец скинул с головы капюшон, и драконоборец почувствовал что-то вроде разочарования. Вошедший был довольно молод, на вид ему было около тридцати. Правда, худое лицо было обветренным, в углах рта залегли складки, но тонкие черты лица кого-то очень сильно напоминали...

– Вот, господа. – Трактирщик приволок большой пузатый кувшин и две кружки, споро метнулся к кухне и вывалил на тарелку несколько кусков холодного мяса. – Уж извините великодушно, что такое скудное угощение, но, сами понимаете...

– Понимаю. – Незнакомец порылся в кошеле на поясе, выудил пару мелких монеток. – Остальное, думаю, за меня заплатят.

– Вы кто такой? – напрягся рыцарь.

– Иер Безухий. Слышали о таком?

В доказательство незнакомец откинул назад пряди волос, обнажая отрезанные уши – вернее, красные сморщенные обрезки на их месте.

– Отморозил, – коротко пояснил он. – В детстве. А вы...

– Сэр Элдон, – представился драконоборец.

– Рад познакомиться, – без тени улыбки кивнул Иер.

– Как вы узнали, что...

– Это очень просто. – Бывший драконоборец потянулся налить себе вина. – Вы сидите тут уже несколько часов. Вас видело человек двадцать. Появление драконоборца в здешней глуши – явление, которое не могло остаться незамеченным. Почти весь Козлиный Перевал

сейчас судачит о том, что вы тут делаете. Если бы не непогода и позднее время, сюда бы столько народа набилось на вас посмотреть – яблоку негде упасть!

Трактирщик испустил тихий вздох. Хотелось спать, но, судя по всему, отдохнуть ему этой ночью не придется. Зато есть шанс получить кое-какие интересные новости из первых уст. Завтра с утра сюда действительно примчатся все кому не лень – и начнутся расспросы.

– Так что понадобилось вам в этих местах? – выпив вина, поинтересовался Иер Безухий.

– Вы не поверите, но я искал вас! И вдвойне удивительно, что вы явились вскоре после того, как я прочел письмо...

Оборвав сам себя, сэр Элдон бросил взгляд на бумагу. Там было сказано, что Иер – бывший драконоборец, но на вид вошедший был ровесником самому рыцарю. А сэр Элдон мог поклясться жизнью и бессмертием души, что в его время тот уже не состоял в Ордене. Такую примету, как отмороженные уши, вместо которых голову под волосами украшают какие-то обрубки, запомнили бы надолго. Значит, сэр Иер покинул Орден за несколько лет до того, как в него поступил сам Элдон. Но тогда, выходит, он должен быть намного старше, чем выглядит! Примерно лет на двадцать – тридцать! Такого просто не бывает, чтобы человек настолько хорошо сохранил свою внешность. Если только не... Тонкие черты лица, ярко-зеленые слегка раскосые глаза, отсутствие каких-либо следов щетины на подбородке...

– Какое письмо? – вернул его с небес на землю голос Безухого.

Послание переключалось из рук в руки. Прищулив ярко-зеленые, цвета весенней травы глаза, Иер внимательно прочел текст под изучающим взглядом рыцаря.

– Что вы так на меня смотрите?

– Думаю...

– О моей внешности? Занятный каприз природы, не более того.

Сэр Элдон покивал, показывая, что принял к сведению более чем прозрачный намек. Хотя, если он озвучил свою догадку вслух, это ведь не будет нарушением условия заклатья?

– Занятно, – промолвил тем временем Иер, наливая себе второй стакан вина. – Значит, вам предлагается нанять меня в проводники до Козлиной Головы и при этом не спрашивать ни о чем?

– Да, у меня...

– Тоже заклатье обещанной смерти. Понимаю. Гроссмейстер решил подстраховаться? Разумно! Вы хоть знаете, зачем вас отправили?

– Все инструкции здесь. – Сэр Элдон похлопал себя по боку куртки, где было зашито остальное. Для пущей конспирации тайники были устроены в разных местах.

– Ясно.

– Вы мне поможете?

Некоторое время Иер Безухий пил вино.

– Посмотрю, что можно сделать, – уклончиво ответил он. – Приходите сюда завтра утром и...

Рыцарь бросил взгляд на трактирщика. Тот правильно понял намек и засуетился:

– Наверху только одна комната, сэр... Если не побрезгуете...

Безухий уже встал, направляясь к двери. Сэр Элдон тоже, бросив на стол пару серебряных монет, поднялся на ноги, прихватывая свои вещи.

Сама каморка ему не слишком понравилась – темно, тесно, неуютно, прохладно, да еще и дождь барабанит над головой, – но, учитывая, с какой легкостью ему удалось найти проводника, это закономерно. Не может же всегда и во всем везти!

Еще через пару дней

– Ну как? Ты готов?

Готик удивленно моргнул. Сегодня прошло ровно два месяца с того дня, как он и другие юноши поступили в Школу Дракоборцев. Как объяснили наставники накануне, время от времени им положен выходной – иногда юношам будет дозволено перевести дух. От неожиданности – все уже привыкли слушать колокол или окрики наставников – ученики слегка растерялись.

– К чему? – удивился Готик.

– Ты просил научить тебя борьбе «авалар», – сказал Авидар. – Если готов – пошли. Помоему, сегодня довольно благоприятный день. Не находишь?

С утра было ясно, солнечно и прохладно – последние дни дожди шли очень часто и смыли все тепло и краски. Ученики слонялись без дела, кто-то дремал в казарме.

– Пошли, – кивнул Готик.

Юноши отошли за конюшню. Она почти вплотную примыкала к крепостной стене. Место, конечно, не было настолько уж уединенным, но другое найти было трудно.

– Сними куртку и башмаки, – распорядился Авидар. – Они будут только мешать двигаться.

Юноша подчинился.

– Начнем со стойки, – принялся объяснять ему горец. – Это – главное. Ноги поставь на ширину плеч, колени чуть согни, а стопы немного разверни наружу. Слегка покачайся на полусогнутых ногах, привыкни... Так... Руки тоже слегка согни в локтях и чуть-чуть расставь. Плечи опусти, но спину держи прямо. Расслабь мышцы... Хорошо. А теперь смотри внимательно на мои ноги и повторяй все движения. Я буду действовать медленно, чтобы ты успел...

Скопировав стойку Готика, Авидар начал медленно переступать с ноги на ногу, менять их положение. Юноша старательно повторял все движения, не сводя глаз с ног приятеля. Показав несколько самых простых движений, горец начал постепенно ускорять темп.

– Да это какой-то танец! – не выдержал наконец Готик.

– Ага! И не просто танец, а боевой. Давай, двигайся! У тебя прекрасно получается. И включай остальное тело – плечи, руки. Смотри, показываю!

Некоторое время юноши увлеченно танцевали, забыв про все, пока Авидар не махнул рукой, останавливаясь:

– Ну, все!

– И только-то, – не смог скрыть разочарования Готик. – А я думал, ты мне покажешь какие-нибудь хитрые приемы...

– Борьба «авилар» основана на умении владеть своим телом. Танец – это один из способов научиться правильно двигаться. Но, если хочешь, могу кое-что все-таки показать. Горцы редко пользуются мечами – мы мирное племя, нам важно защитить свои земли, а не завоевать чужие. Я, например, никогда не держал в руках меча. И, сказать по правде, немного боюсь того момента, когда нам дадут в руки оружие.

– А я думал, раз ты сын вождя, то должен уметь сражаться, – удивился Готик.

– Трудно научиться владеть тем, чего у тебя нет! В нашем селении нет ни одного меча. Я их впервые увидел только тут, на равнине, у братьев-рыцарей.

– Ничего, когда нас начнут учить сражаться, встанешь в пару со мной – я помогу и подскажу, если что... А что там насчет кое-каких приемчиков?

– Могу для начала показать самый простой – «брык». У нас оружием становится все тело. В том числе и ноги. Они нужны не только для того, чтобы стоять на земле или танцевать. Встань в стойку. Руки перед собой, чуть присядь, левую ногу назад. Перенеси вес на правую... А теперь – резко выброси вперед левую ногу!

Готик постарался повторить движение.

– Не так! – последовал категоричный ответ. – Движение начинай бедром, доверяй всем корпусом. Показываю медленно... Смотри!

На сей раз получилось лучше.

– Делаешь успехи! – Горец похлопал его по плечу. – Хватит на первый раз!

– А когда будет второй? Через месяц?

– Ну, можно что-нибудь придумать... А ты хочешь заниматься дальше? Учиться драться, как простолюдин?

– В жизни все может пригодиться, – уклончиво ответил Готик. Сказать по правде, он и сам не мог точно сказать, что именно его так заинтересовало в светловолосом горце. Может быть, его необычность? Или то, что оба они не сдружились близко ни с кем из их группы и так и держались поодиночке? Или все-таки дело было в странном тепле, которое исходило от Авидара – не только тепло его тела, которое он запомнил с той дождливой ночи, но и тепло его взгляда, голоса, души... Просто удивительно, как этого не замечали другие!

Тот же день, ближе к вечеру

Старый совсем не удивился, увидев возле своей пещеры Хуррака. Удивление вызывало другое – почему вождь не пришел к нему со своими сомнениями раньше.

«Ты здесь? Я ждал тебя», – произнес он, выползая на поверхность. Далеко не все имели право навещать Старого в его обиталище, и вождь входил в число избранных.

«Да, Старый. – Хуррак нервно переминался, озираясь по сторонам. Его аура полыхала такими яркими красками, что любой бы почувствовал терзавшие его сомнения, даже не обладая он магическими силами. – Я хотел посоветоваться...»

«Ты пришел из-за сына?» – Старый удобно устроился на скальном выступе, повел затекшими плечами, подставляя спину нежаркому осеннему солнцу.

«Да. Старый, я не знаю...»

«Правильно ли мы поступили? Но ведь есть же Договор. И он должен был... Ты должен был знать заранее, когда брал власть, что она предполагает ответственность и готовность жертвовать другими...»

«Другими – но не своей плотью и кровью!»

«Ты говоришь, как обычный отец, а не как вождь племени».

«Но я и есть отец! В отличие от тебя».

Старый покачал головой. Да, отсутствие у него сыновей и было одной из причин того, что он в свое время отказался от борьбы за власть. А у Хуррака тогда только-только появился на свет маленький Авест... которым можно было пожертвовать годы спустя.

Запрокинув голову, Старый смотрел вверх. В вышине, над вершинами скал, парили, описывая постепенно сужающиеся круги, два дракона. Интересно, кто это? Зрение с годами отказывалось служить старику, но ему казалось, что он узнает их. Хм... подбирается новая пара? Или кто-то из взрослых решил вспомнить молодость? Ах, как жаль, что осенью ноют старые кости... Да и не с кем ему что-либо «вспоминать». Подруги давно уже нет.

«Старый, – напомнил о себе Хуррак, – я беспокоюсь».

«Я тоже».

«Как ты думаешь, Авест... он справится?»

«Он не уронит возложенной на него чести, – уклончиво ответил старик. – Твой сын – одаренный мальчик. Родись он в другой семье, я бы готовил его в свои преемники. Но ты знаешь...»

«Ответственность! Да! – Вождь племени раздраженно дернул плечом. – И проклятый Договор... Скажи, его можно как-нибудь...»

«Отменить? Нет. Только нарушить».

«Сейчас? Когда мы еще не залечили раны?»

«А кто сказал, что нарушать его будем мы?»

«Значит, ты тоже это чувствуешь?» – Сердце Хуррака замерло.

«Чувствую, – кивнул шаман. – Не забывай, кто я! И твой сын тоже чувствовал, когда уходил».

«Но если мальчик погибнет...»

«Он и шел, чтобы погибнуть. Ты это знаешь. И сейчас пытаешься изменить предначертанное».

«Мне кажется, что-то уже изменилось, Старый! У меня дурное предчувствие. Боюсь, Авест не готов к тому, что ждет его».

«Будем надеяться, – произнес шаман с уверенностью, которую на самом деле не ощущал. – А теперь оставь меня. Я должен подумать».

Хуррак кивнул и стал осторожно карабкаться вверх по склону горы. Старый проводил его взглядом, после чего пополз в свою пещеру.

Там, устроившись в середине, он принял позу для медитаций и смежил веки, привычно отпуская в полет свой дух. Где-то там, далеко-далеко, один в мире двуногих, был его любимец, его почти ученик, надежда всего племени, сын вождя. И, если что-то случится, ни учитель, ни отец, ни все их племя не сможет ему помочь – только надеяться и верить, что все идет, как надо.

Глава 3

СЛИШКОМ МНОГО НОВОГО

Еще два месяца спустя

Стук тяжелых рыцарских сапог был слышен издалека, и дамы оторвались от рукоделия, когда порог залы, где королева коротала время со своими придворными за рукоделием, переступил сэр Лаймож. Увидев его, практически все женщины и девушки покраснели, засмутились и стали посылать красавцу-гроссмейстеру зазывные взгляды. Разница была в том, что некоторые делали это исподтишка – подле них находились мужья! – а другие разве что не замахали приветственно рукавами, приглашая его подойти поближе.

Королева тоже улыбнулась и протянула руку:

– Как это мило, сэр Лаймож, что вы нашли время посетить бедную затворницу!

– Моя госпожа... – Рыцарь склонился к ее руке. – Вы прекрасны! Особенно в этом... положении. Вам так идет беременность!

Королева засмутилась, как девочка, которую впервые в жизни прилюдно назвали первой красавицей королевства.

– Мне кажется, я стала такая толстая...

– О нет! Вы – само совершенство.

В последнее время при дворе стало модным обсуждать интересное положение королевы. Она носила платье с заниженной талией, стягивая бедра поясом, чтобы подчеркнуть только-только обозначившийся животик. Многие придворные дамы, желая не отстать от моды, либо в срочном порядке потребовали от мужей тоже обеспечить их таким же «состоянием блаженного ожидания», либо, если возраст и положение в обществе не позволяли, подкладывали под платье подушечку. Исключение делалось только для незамужних девушек, но этих-то уверенная в своей растущей непривлекательности королева сама старалась держать от себя подальше. Среди мужей хорошим тоном считалось не просто с интересом слушать бесконечную женскую болтовню на тему беременности, но и самим вставлять реплики: «А помнишь, дорогая, как тебя тошнило, когда ты ждала нашего первенца?»

– Ах, я знаю. – Королева погладила свой чуть выступающий животик. – Мне все так говорят. Нелегкое это дело – носить наследника престола.

Со всех сторон тут же раздались восклицания дам, уверявших, что она отлично со всем справляется.

– Вы делаете большое дело для своей страны! – подвел итог сэр Лаймож.

Откровенно говоря, прославленный рыцарь терпеть не мог всю эту бабскую болтовню. И не только потому, что, как и большинство драконоборцев, не был женат.

Нет, братья-драконоборцы отнюдь не были отшельниками! Устав запрещал им только создавать официальные семьи – и то потому, что в случае наступления Года Дракона рыцарь не должен быть привязан к какой-то одной женщине и ее малышам, а одинаково защищать всех детей, чьи бы они ни были. Многие содержали любовниц и своих незаконных детей. У сэра Альдона внебрачный сын потом стал драконоборцем – и погиб в бою со своим первым драконом.

Высидев подле королевы еще несколько минут, сэр Лаймож встал, поклонился, прижимая руку к сердцу:

– В вашем обществе, прекрасная госпожа, я отдохнул душой. Но дела призывают меня!

– Вас хочет видеть мой супруг?

– Нет, ваше величество. Его брат.

Всем было известно, что принц Негрин, даже получив отказ, злобы не затаил и продолжал с восторгом и благоговением относиться к рыцарям. В последней кампании он даже почел за честь пойти добровольцем в какой-то отряд, возглавляемый одним из дракоборцев. Почти никто знал, что солдатскую лямку тянет принц крови – кроме самого командира отряда и еще двух телохранителей, приставленных к нему. Отвоевав несколько месяцев, младший брат короля, что называется, перегорел и успокоился. Но без внимания Орден не оставался – принц время от времени помогал ему деньгами. Практически на его средства содержались все безродные юноши, за которых не могли внести вступительный взнос их родители. И не было ничего удивительного в том, что у гроссмейстера и брата короля есть какие-то общие дела.

Он и сейчас ждал сэра Лайможа в своих покоях, но на сей раз был не один. Сутулый остроносый человечек, своей фигурой и всклокоченными волосами очень напоминавший ежика, топтался подле его кресла.

Этого человечка рыцарь знал и недовольно поморщился:

– А что здесь делает этот?.. Ваше высочество, вы пристрастились к придворной поэзии?

– Целок в курсе того, что я хочу вам сообщить. – Принц развалился в кресле у напольного камина, потягивая вино. – Собственно, сообщить кое-что хочу не я, а именно он!

– Вот как? – Сэр Лаймож сел на свободное кресло. – И что же может сообщить мне придворный поэт его величества?

Целок заволновался, стал суетливо поправлять пеструю накидку, потом увеличительное стекло, которое вставлял себе в глаз – многим казалось, что от этого его перекошенная физиономия кажется смешнее, – затем принялся перебирать какие-то исписанные листы. Рыцарь поморщился – людей такого типа он недолюбливал, а Целока и подавно.

– Извольте видеть, благородные господа, – заговорил поэт, – вот тут у меня кое-какие заметочки... мои изыскания на тему записок Безумного Лорда. Я, знаете ли, позволил себе кое-что сделать... Не прогневайтесь, коли что не так. Работа проделана пока начерно, ибо...

– Короче! – тихо рыкнул сэр Лаймож.

Придворный поэт и шут по совместительству даже вздрогнул от неожиданности.

– По просьбе его величества я некоторое время назад приступил к расшифровке записок Безумного Лорда. – Он и впрямь заговорил быстрее и четче. – Кроме описаний внешнего вида, образа жизни, физиологии, мест обитания и некоторых других особенностей драконьего племени, коими вы, господа дракоборцы, руководствуетесь на протяжении вот уже многих циклов, дабы уничтожать этих тварей, у него были и весьма оригинальные идеи. Безумный Лорд писал, если так можно выразиться, пророчества! И просто полезную информацию... У него неоднократно встречается упоминание о некоем Договоре, заключенном драконами в незапамятные времена... с кем бы, вы думали? С людьми!

– Вот как? – осторожно произнес прославленный дракоборец. Он знал про Договор, но информация была настолько противоречива, что порой ему казалось, что Договоров существует несколько, и все разные.

– Договор существует, – ответил на его невысказанные мысли Целок и сверкнул своей стекляшкой. – И вот что пишет по этому поводу Безумный Лорд:

Горе тому, кто осмелится Слово нарушить!
Горе тому, кто забудет его соблюдать.
Горные демоны выпьют бессмертную душу,
Если начнете его исполненью мешать!
Ибо на Слове том держатся мира основы,
Годы меняют течение один за другим.

Не допускайте того, чтоб в тиши это кануло Слово,
Если, конечно, себе вы пока не враги!

– Я тут осмелился переложить его творения в стихотворную форму и...

– Зачем? – жестко перебил сэр Лаймож.

Целок удивленно захлопал глазами:

– Для красоты и... легкости восприятия.

– «Для легкости»! – передразнил гроссмейстер Ордена Драконоборцев. – Ваша так называемая «легкость» только это восприятие усложнила! Где оригиналы пророчества?

– У меня... тут... в моих покоях. – Поэт смешался под пронизывающим взглядом рыцаря.

– Несите!

– Сейчас?

– Да!

Целок сорвался с места с такой скоростью, что зацепил и опрокинул столик со своими бумагами.

Рыцарь и принц, оставшись одни, обменялись взглядами. Его высочество выглядел гордым – ему все-таки удалось быть полезным Ордену.

Поэт вернулся через несколько минут, прижимая к животу несколько старых пергаментов. Выглядели они, надо сказать, неважно – телячья кожа местами посерела и покрылась плесенью. Несколько кусков вообще сгнили, на середине одного из них зияла дыра, текст в этом месте уже был уничтожен временем. Тут и там виднелись следы клея – видимо, долгие годы хранения в сухом месте заставили материал рассохнуться, и когда листы извлекли, они просто-напросто разломались, чтобы потом их кое-как склеили торопливые и не совсем умелые руки. Сэр Лаймож недовольно поджал губы. Брату-алхимику придется много потрудиться, чтобы вернуть раритету презентабельный, и главное, читабельный вид.

Молчание затягивалось. Вспотевший и дрожащий от волнения и возбуждения Целок стоял над душой осторожно перебиравшего листы рыцаря.

– И вы это прочли? – промолвил тот, поднимая на него взгляд.

– Э-э... частично. Текст, как вы изволите видеть, существенно пострадал от времени, но вот тут и т-там, – он осмелился ткнуть пальцем в некоторые листы, – есть упоминание о Договоре... и жертвоприношении...

– Каком жертвоприношении?

– О, – снова оживился поэт, – я даже стихи на эту тему написал!

– Не надо! – категорично перебил его сэр Лаймож. – В двух словах: что за жертва? Мы что-то должны драконам?

– Э-э... нет. Скорее, они нам!

Примерно в то же время, далеко в северных горах

– Все. – В тихом голосе Иера Безухого звучала только дикая усталость. – Пришли. Дальше ты сам!

С этими словами проводник присел на торчащий из снега валун, тяжело переводя дух и выпустив при этом из рук повод своего коня.

Рыцарь сделал несколько шагов, озираясь по сторонам.

– Ух ты-ы... – вырвалось у него.

Путешественники оказались на дне заваленного снегом ущелья. Справа и слева ввысь уходили склоны, где из сугробов вперемешку с камнями торчали ветви кустарников и низкорослые деревца. Одни сбросили на зиму листву, другие были вечнозелеными и выделялись яркими пятнами. Судя по глубине снега и отсутствию каких-либо следов, сюда давно

никто не забредал – во всяком случае, со времени последнего снегопада. Даже звери и птицы стороной обходили эти места.

Шагах в двадцати впереди вверх по склону карабкалась высеченная из камня широкая то ли лестница, то ли дорога – там, где склон был ровнее, это была дорога шириной, достаточной для того, чтобы на ней, не мешая друг другу, в ряд проехали четыре всадника. Там, где склоны были круче, ее заменяли ступени. Ветра сдули с большей части дороги снег, но кое-где все-таки намерз лед. Дорога поднималась на самый верх и там терялась из виду.

– Сколько же ей лет? – подумал вслух сэр Элдон.

Ответа он не ждал, но тот пришел.

– Тысяч двести, а то и все триста, – пожал плечами Иер.

– Как же она сохранилась?

– Магия. Сначала на ней лежали охранные чары. Потом, когда некому стало за ними смотреть, магия стала слабеть и постепенно сошла на нет. Это случилось не так давно, как кажется. Лет триста или чуть больше тому назад. Точной даты не знает никто.

– И ты?

– И я.

Хрустя снегом, сэр Элдон сделал несколько шагов, ведя коня в поводу.

Почти четыре месяца провел он в дороге, выполняя приказ своего командира. И вот их путь завершился. Осталось подняться по этой лестнице-дороге, и там...

Драконоборец оглянулся на своего проводника. Тот сидел на обледенелом валуне, как-то странно ссутулившись и глядя на противоположный склон остановившимся усталым взглядом. Сидел, как человек, который отдал делу слишком много сил для того, чтобы еще мог радоваться завершению трудов. Тонкий профиль, светлые прямые волосы, ярко-зеленые глаза...

– Иер, – внезапно произнес он, – а ты чистокровный эльф или полукровка?

Выпалив эти слова, драконоборец осекся – так странно полыхнули устремленные на него глаза. Заклятие обещанной смерти! Совершенно неожиданно он открыл и произнес вслух тайну, которой полагалось умереть вместе с ее носителем.

– Прости, – выдавил он, глядя, как смертельная бледность заливает тонкое моложавое лицо. – Само вырвалось...

– Ничего, – прохрипел тот, прижимая руки к животу. Говорил он сквозь зубы, словно боялся, что сейчас его стошнит. – Когда ты сам выдаешь тайну, смерти не избежать. Но если кто-то о ней догадывается сам или узнает из третьих рук – ничего не происходи-и-и-ит...

Он внезапно застонал, сгибаясь пополам.

– Н-ничего! – Быстрый окрик остановил рванувшегося к нему рыцаря. – Поболит и перестанет. Такое уже было... раз или два... Я поэтому и ушел из Ордена – каждый непременно хотел подойти и спросить... почти то же самое, что спросил ты. Только иногда уточняли совсем другое...

– Почему и как случилось, что ты остался?

Иер кивнул, прислушался к себе и выпрямился:

– Ну вот, кажется, отпустило... Это мне посоветовали в самом конце, когда... сам догадайся!

– Когда весь твой народ ушел, а ты остался? – произнес сэр Элдон. Получив кивок в подтверждение, рыцарь решил продолжить расспросы: – Тебя изгнали?

Иер помотал головой.

– Ты решил сам? Добровольно? Но почему?

– Думай, что хочешь, но сказать я тебе это не могу.

– Заклятие?

– Оно самое. Нас было несколько, и всем нам при прощании дали его выпить. Сколько нас, кто остальные, где живут – если живут! – и зачем оставался каждый, сказать не могу. Заклятие!

– А там что? – Рыцарь ткнул пальцем вверх, на лестницу-дорогу. – Тоже не можешь мне сказать?

– Почему? Могу! В Колыбели Ветров было хранилище древних знаний. Кто и зачем послал тебя за ними, ты мне не говорил.

– Мне только этого не хватало! Библиотека! – воскликнул драконоборец. – Вообще меня послали не за историями, а за...

– Оружием? – быстро спросил Иер.

Если он рассчитывал, что угадал, то явно ошибся. Его спутник мрачно покачал головой:

– Даже если бы не было заклатья, я бы все равно не стал бы ничего объяснить. Но я поклялся и должен это сделать! Это – мой подвиг.

Иер кивнул, удовлетворенный таким объяснением, и с усилием выпрямился, словно сидение на камне лишило его остатков сил.

– Тогда мы должны подняться наверх. И как можно скорее – вот-вот начнется буран. Его лучше пережить в укрытии, – сказал он.

Иер свистнул своему коню и, крепко взяв того под уздцы, первым направился к лестнице-дороге.

В те же самые минуты, в северных горах

Тихо застонав, Старый стал заваливаться вперед, пока не ткнулся лбом в холодные камни пола. В тот самый миг, когда его выступающие надбровные дуги коснулись гранита, чары рассеялись. Вынырнув из медитативного транса, шаман с усилием выпрямился и помотал головой. Зрение расфокусировалось, и потребовалось несколько минут для того, чтобы прийти в себя. М-да, возраст сказывается – сознание-то остается по-прежнему ясным, а вот тело слабеет. Раньше он бы сразу вскочил, а теперь продолжает сидеть, мотая головой и сясь привести дыхание в порядок. Видение, которое посетило его, было более чем странным. Это следовало обдумать, и как можно тщательнее.

Наконец, все нормализовалось, и Старый выпрямился. Плечи и ноги все еще ныли от неудобной позы – хм, с каких это пор поза для медитаций стала неудобной для шамана? Он выбрался наружу.

Первым, кого он увидел, был Хуррак. Вождь клана терпеливо сидел на камнях и ждал его. Сколько же прошло времени? Совсем чуть-чуть? Нет, судя по тонкому слою выпавшего снежка – в горах снегопады идут довольно часто, но ветра успевают выдуть большую часть снега со скал вниз, и на склонах, где племя устроило свои дома, его к весне остается не так много, – так по слою снежка можно предположить, что прошло больше суток.

У ног вождя лежала туша горного барана. Свежее мясо! Как раз то, что нужно после долгой медитации! Туша, конечно, замерзла, но это ничего не значит. Старый всем существом потянулся к ней – сначала набить брюхо, а потом разговаривать!

Хуррак терпеливо ждал, удобно устроившись на камне. Из-за светлой шкуры на плечах он издали походил на глыбу слегка припорошенного снежком куска льда, отколовшегося от ледника и обточенного ветрами до причудливой формы. Собственно, это была одна из любимых иллюзий вожака – ведь имя Хуррак как раз и означает «Отколовшаяся глыба».

«Долго я отсутствовал на сей раз?» – поинтересовался Старый, на минуту перестав жевать. Сырое заледеневшее мясо льдинками хрустело на зубах.

«Достаточно, чтобы я начал беспокоиться», – уклончиво ответил вождь.

«Не беспокойся! Шаманы заранее чувствуют свой конец. Мне еще предстоит некоторое время спокойно жить и коптить небо. Я оповещу потом о поисках своего преемника...»

«Вот как?»

Хуррак опустил голову. Старый знал, о чем он подумал: ведь еще за несколько дней до Выбора таковым считался его старший сын, Авест.

«Твой сын пока жив, – поспешил сообщить шаман новость. – Я видел его... видел то, чем он сейчас занят».

«Спит, наверное?» – Вождь поднял голову к звездам. Для взгляда шамана, привыкшего видеть невидимое, уже давно не существовало различий во времени суток, и он только что заметил, что стемнело.

«Нет. Он... – Старый покачал головой и в нерешительности тронул тушу барана, – он сражается...»

«Началось?»

Вождь вскочил, напряженный и готовый бежать, лететь, нестись на помощь первенцу. Его аура полыхнула таким огнем, что шаман на миг зажмурился и отступил на шаг – если бы это был настоящий огонь, все живое вокруг вмиг превратилось бы в пепел.

«Это какой-то странный бой, – поспешал он успокоить Хуррака. – Я не чувствовал в Авесте ненависти или страха. Просто интерес. Кажется, он... да-да, это был учебный бой».

«Учебный? Он там *учится*?»

В голосе вождя зазвучало изумление. Совсем не такие новости ожидал он услышать о сыне, которого отправил на равнины. Разум отца рисовал картины лишений, которым будет подвергаться его дитя, трудностей, которые ему придется преодолевать, опасностей, с которыми придется столкнуться, даже мучений. Но учеба?..

«Ты ведь за этим и посылал его, не так ли? – прозвучал ответ шамана. – За знаниями».

«Я посылал сына на смерть, – покачал головой Хуррак. – Ты сам сказал...»

«Многие знания тоже могут стать причиной смерти, если узнаешь что-то лишнее! – изрек мудрый старик, устраиваясь на камнях поудобнее. Тело все еще не отошло от медитации, хотелось присесть, а лучше прилечь. – Успокойся. С твоим сыном пока все в порядке».

«В порядке!» – передразнил вождь. – Я его больше никогда не увижу живым...»

Повернувшись спиной, он стал медленно спускаться по склону, направляясь в свою пещеру. Старый смотрел ему вслед. Он не сказал обо *всех* видениях и сейчас раздумывал, стоит ли открывать отцу все, что ему удалось узнать о сыне. Действительно, слишком много знать иногда тоже вредно.

«Как знать, как знать», – подумал он.

Не подозревая о терзающих шамана сомнениях, Хуррак переступил порог своей пещеры. В далекие дикие времена каждый род жил обособленно. Правила в них женщины, мудрые старухи, у которых в подчинении находились их дочери и внуки, а также молодые мужчины, юноши и совсем мальчишки. Достигшие зрелости мужчины изгонялись из рода и вынуждены были прибиваться к соседним родам. Иногда требовалось победить одного-двух конкурентов, ибо род мог принять к себе нового мужчину лишь после того, как прежний отец-вождь-защитник по старости, болезни или кончине сдавал свои позиции. Неудачники, как правило, погибали.

Шаманы рассказывали истории о том, что сломать такую систему удалось нескольким братьям. В одном роду как-то так получилось, что очередное поколение было сплошь мальчуковым – за определенный период не родилось ни одной девочки, зато мальчишки подрастали у каждой женщины. Отец у этих парней в свое время сам вдоволь поскитался по горам в поисках пристанища и с детства внушал сыновьям, как им следует поступать, чтобы не повторить его судьбы. Став совершеннолетними, сыновья покинули дом, но не разлетелись в разные стороны, а объединились. Они вместе напали на соседний род, выгнав его един-

ственного защитника-вождя. Но доставшихся жен и подруг не хватало для всех – молодым захотелось большего. За первым родом последовал второй – его захватили и присоединили к первому. Затем настал черед третьего, четвертого...

Когда подросли уже их сыновья, вышло так, что они успели перепутаться. Никто не хотел ошибиться и выгнать своего ребенка вместо чужого. Отцы и сыновья вместе атаковали одинокие роды, дабы достать для подростков невест. Опасаясь за свою целостность и самостоятельность, те тоже стали объединяться. Тогда же власть и перешла к мужчинам, хотя в деле воспитания подрастающего поколения по-прежнему многое зависело от старых женщин. Именно старухи и определяли, кем будет подросший мальчик – воином или просто охотником. С ними не спорили, подчиняясь их суждениям.

Пробравшись в свою пещеру, Хуррак увидел жену. Она, свернувшись клубочком, устроилась у стены и выпрямилась, едва вождь переступил порог.

«Ты не спишь?»

«Не могу уснуть. Мне так пусто и холодно без тебя... Можно, я хотя бы переселюсь к остальным женщинам?»

«Тебе одиноко?» – догадался он.

«Да, с тех пор, как...» – Она отвела взгляд, засопела.

По традиции, оставшейся от прошлых времен, по достижении определенного возраста всех детей отдают на воспитание мудрым старухам. Родители лишь иногда могут навещать своих чад, чтобы справиться об их успехах. Не так давно – Авест еще не был избран – его младший брат покинул свою мать и перебрался в Пещеру Воспитания.

«За чем же дело стало? – Хуррак привлек к себе жену, обнял, прижимаясь всем телом так, как умел только он. – Давай отправимся в полет и...»

«Не хочу!» – Она вывернулась из его объятий.

«Почему? Новый ребенок...»

«Новый ребенок!» – передразнила жена. – А что это будет за ребенок, ты знаешь? Опять мальчик...»

«Тебе не нравятся наши сыновья?»

«Мне не нравится судьба, которая их ожидает! – закричала женщина, попятившись. – Они обречены на смерть, как ты этого не понимаешь? Авест должен погибнуть, его брату предстоит стать воином, как и многим другим мальчишкам. Ты представляешь, каково это – рожать смертников? Дарить детям жизнь, зная, что ее у них обязательно отнимут? Что твои сыновья умрут, не достигнув, может быть, даже зрелости?»

«Вот ты о чем...»

«Да, все о том! Спроси остальных женщин! Год от года они все чаще боятся рожать! У моей прабабки было тринадцать детей! У моей бабки – шесть! У моей матери – уже всего трое, из них один погиб молодым. У меня двое, и вот-вот останется один. А что будет дальше? Ты об этом подумал?»

«Это заведено не нами. Ты же знаешь, Договор обязывает нас...»

«Умереть, не оставив потомства! Вот что обязывает нас Договор, которым вы, мужчины, прикрываетесь, чтобы ничего не делать. Конечно, вам так хочется рисковать жизнью, почувствовать вкус вражеской крови, ощутить страх и растерянность врагов, хоть на несколько минут стать властелинами мира! Вы при этом не думаете о нас – женах и матерях! О том, каково приходится нам!»

Хуррак шагнул к жене и резким движением прижал ее к стене. Она осеклась, уставившись в глаза мужа – внезапно расширившиеся зрачки его не предвещали ей ничего хорошего. А огонь его ауры просто обжигал, причиняя почти физическую боль.

«Я знаю, что ты чувствуешь, – прошипел он сквозь стиснутые челюсти. – И напрасно обвиняешь меня в бездействии... Да, Авесту суждено погибнуть, но, может быть, он –

последний, кто падет от рук наших врагов, согласно Договору, и благодаря его крови мы сумеем избавиться от бремени!»

Снова северные горы за несколько десятков миль к западу

То, что сооружение было невероятно древним, уже завораживало и пугало. Но оно еще и находилось в идеальном состоянии – особенно для заброшенного в горах много веков назад. Обычные здания давно бы рассыпались в прах и пыль, а здесь лишь лед сковал все вокруг. Было холодно, дыхание облачками пара вырывалось изо рта, оседая инеем на волосах, ресницах и усах. Шаги гулко отдавались под сводами. Под сапогами звонко и зловеще похрустывали льдинки.

– Что это за место? Ты куда меня привел?

Рыцарь обернулся на своего проводника. Иер Безухий не ушел далеко от входа – остановившись в нескольких шагах от того места, где прежде наверняка были двери, он занимался тем, что разводил костер из нарубленного по дороге кустарника. Вдоль лестницы-дороги росло много кедрового стланика, терновника и прочих кустов и деревьев, так что дровами – и теплом – путешественники были обеспечены. Как раз сейчас он занимался тем, что устанавливал над костром треногу.

– Нет, нет и нет! – Безухий решительно помотал головой. – Ты мне не говорил, зачем тебе надо в Колыбель Ветров, я и не спрашивал. Теперь мы здесь. Я обещаю, что буду следить за костром, ходить на охоту и вообще... Но я свою часть работы выполнил. Остальное делай ты! Чай будет готов примерно через полчаса. Походи тут пока, осмотрись.

С этими словами он решительно занялся обустройством лагеря.

Рыцарь покачал головой. Где осматриваться? Подъем занял больше часа, а в горах темнеет быстро, так что сейчас вокруг сгустился настоящий ночной мрак. За каменными стенами на склоне завывал ветер – зимние бураны в горах не редкость, и хорошо, что они успели добраться до укрытия. Эх, и заметет тут, наверное, все тропинки, так что все равно придется какое-то время провести в этом здании. Что тут вообще было? Хранилище древних знаний, сказал Иер... Но ведь за столько веков истлеет любая телячья кожа!

– Так эльфы были далеко не дураки! – послышался искаженный эхом голос Безухого. – Они наверняка рассчитывали, что знания должны храниться вечно и не зависеть от природы, погоды и времени.

Сэр Элдон понял, что случайно произнес последние слова вслух.

– Они, как ты знаешь, живут много веков, – продолжал проводник, сидя на корточках над костром. – И должны были задуматься о том, что не все в мире настолько долговечно. Знания порой бывают по-настоящему бесценны, и, следовательно, надо позаботиться об их сохранности. В качестве носителя был выбран материал, который наименее подвержен влиянию времени. Это все, что я слышал! С остальным разбирайся сам, брат-драконоборец!

Рыцарь покачал головой. «Разбирайся!» Можно подумать, его сюда книжки читать прислали!

– А почему ты стал драконоборцем? – подумав, поинтересовался он.

– Если в двух словах... Меня привлекали драконы. С детства! Странные, красивые, сильные, могучие, владеющие магией...

– Жестокие, огнедышащие, сметающие все на своем пути убийцы...

– Не без этого, – кивнул Безухий. – Я думал, в Ордене мне могут рассказать о них побольше, пролить свет, так сказать... Но суждения старших братьев отличались некоторой зашоренностью. Ты можешь сказать о драконах что-нибудь хорошее?

– А разве это хорошее в них есть? По-моему, это самые ужасные творения Хаоса. Создатель бы с удовольствием уничтожил их, но решил возложить сию миссию на людей. И

мы не просто очищаем мир от тварей, но и выполняем волю Создателя! Это – наша работа. Мы спасаем мир.

– Но ведь драконы – тоже часть этого мира! Выходит, мы спасаем мир от самого себя!

– Демагогия и пустая болтовня! – решительно обрубил начавшуюся дискуссию сэр Элдон. – Всем известно, что драконы – враги!

– Это известно драконоборцам, – мягко поправил Безухий. – И это они стараются вдолбить ученикам...

– Но ведь это правда!

– Правда... Послушай, я пришел в Орден за информацией, но не получил и половины того, что ожидал. Да, драконы – чудовища. Но почему тогда всемогущий Создатель вообще допустил их появление? Почему Он до сих пор не вмешался? У меня было слишком много вопросов. Я ушел из Ордена потому, что мне никто не мог дать на них ответы. У эльфов, кстати, есть теория о том, что каждая, пусть даже самая малая козявка, у природы на счету. Любое существо – даже просто травинка! – растет и живет не просто так, а ради чего-то. Вот тебе самое простое – трава... Для чего она?

– Чтобы ее щипали лошади. Зимой траву сушат и заготавливают сено...

– Для лошадей и коров. Для чего они?

– Лошади – чтобы возить на себе людей. Коровы – чтобы давать молоко, мясо, шкуру...

– ...людям! А люди для чего?

– Э-э-э... – Сказать по правде, сэр Элдон не был сбит с толку. Просто на этот вопрос однозначного ответа не существовало. – Люди нужны Создателю... для своих целей.

– Оставим людей! Пример явно неудачен. Волк! Он напал на пасущуюся корову, зарезал ее и съел мясо. Корова нужна для того, чтобы волк был сыт. А зачем нужен сам волк? Только не говори, чтобы убивать коров! Этим столь же успешно занимаются мясники на скотобойне.

– Волки тоже для чего-то нужны, – уклончиво ответил сэр Элдон. – Хотя бы их теплые шубы...

– Да, душегрейки из волчьего меха выходят знатные, – кивнул Иер. – Но подумай вот о чем: содрал ты с волка шкуру, а мясо? А кости? Или просто волк нажрался отравы и сдох под кустом... Какую пользу принесет издохший в чаще леса волк?

– Его съедят черви и...

– И он станет землей, из которой вырастет новая трава, которую съедят новые коровы – и все повторится! – с победным видом закончил Безухий. – Эльфы давно подметили такую закономерность. Все живые существа, от травы до человека, связаны между собой в такие вот цепочки. Но как в эту цепочку вписываются драконы? Их кости не гниют. Их мясо непригодно в пищу. Цепочка на них как бы прерывается! Но они живут и существуют. Зачем? Для чего Хаосу их создавать, а Создателю не вмешиваться?

Рыцарь задумался. В словах его проводника и спутника была доля правды. Но, если вспомнить о том задании, которое ему дал гроссмейстер, то получается, что драконы нужны для того, чтобы существовали рыцари-драконоборцы? Нет, тут что-то не вяжется! Впрочем, думать – это не его дело. Для этого есть старшие братья, приоры, сам гроссмейстер. Его дело – выполнить приказ!

Тем временем. Школа Драконоборцев

С наступлением холодов занятия все чаще и чаще проходили в помещении. И не то чтобы наставники теперь боялись простудить своих учеников – просто кроме физической подготовки будущих драконоборцев стали знакомить и с теорией. Ведь на дракона не идут, вооружившись только мечом и штурмовым копьем – магия играет далеко не последнюю

роль. Каждый рыцарь просто обязан знать хоть несколько атакующих и защитных заклинаний, уметь их применять и быть стойким к чарам, насылаемым этими чудовищами.

В первый день занятий магией учеников встретили перед закрытой дверью.

– Мое имя – брат Дайвен, – представился драконоборец, лицо которого уродовал жуткий шрам, отчего казалось, будто его навечно перекосила гримаса отвращения к окружающему миру. – И раз в неделю вы будете приходить сюда и заниматься со мной. За исключением сегодняшнего дня.

– А сегодня что, занятия отменяются? – подал голос Ширд из-за спины Яуниста.

– Сегодня, – драконоборец скривился еще больше, – вы будете только смотреть и слушать. И *ничего* не делать. Чтобы не было, как в прошлом месяце...

Из группы юношей послышались смешки. Готик же невольно опустил взгляд. А ведь он тогда просто стоял и смотрел... Но почему-то воспринимал все замечания и подколки на свой счет.

В тот день, месяц назад, им впервые выдали мечи. Обычные одноручные мечи с прямыми двусторонне заточенными лезвиями и острым кончиком, чтобы можно было не только рубить, но и колоть.

– Но они же тупые! – с некоторым разочарованием протянул Яунист, попробовавший пальцем режущую кромку. – И все в зазубринах!..

– А у моего даже ржавые пятна проступают, – поддержал его Юрат. – Их вообще кто-нибудь когда-нибудь чистил?

– Это – учебные мечи, – снизошел до объяснений ответственный за фехтование брат Квактол, молодой, всего тридцати лет, рыцарь. – Они нарочно сделаны тупыми, чтобы некоторые остряки об них не поранились. Потом, когда вы научитесь ими владеть, вам выдадут другие мечи. Уже острые и без зазубрин, – не удержался наставник от подколки.

– Но у некоторых из нас есть свое оружие! – заявил Яунист. – Я, например, уже рыцарь, препоясанный мечом и...

– Это каким же мечом ты препоясан? Обычным? А это, мой юный друг, меч настоящего драконоборца. Обратите внимание на его кончик.

Все внимательно посмотрели на лезвие. В отличие от прямых мечей, известных большинству, оно довольно резко сужалось к концу, который был сильно заострен.

– Шкура у дракона очень толстая, – объяснил брат Квактол. – Но всегда можно найти слабое место, например, между сочленениями пластинок на боках и плечах, куда можно вогнать клинок... если, конечно, не держать его, как старуха прялку!

Все обернулись, и послышались смешки.

Предметом общего веселья был веснушчатый Садуго, который явно впервые держал такую штуку в руках и не знал, куда ее деть, чтобы не мешалась.

– Хорошо хоть за лезвие не схватился, – проворчал брат Квактол. – За рукоять берись тверже! Держи его прямо... Уже лучше. А теперь – в стойку!

Испустив ликующие вопли – еще бы, после трех месяцев сплошь рукопашных боев наконец-то ощутить в пальцах привычную рукоять меча! – Яунист и Юрат первыми встали в позицию. Остальные немного помедлили: одни хотели присмотреться и поточнее скопировать стойку лидеров, другие просто не знали, что делать. Наставник бросил взгляд по сторонам и всплеснул руками:

– Нет, это ни в какие ворота не лезет! Ты из какой глуши вылез? И где же ты видел *такую* стойку с мечом?

– У нас в горах, – последовал спокойный ответ. – Только не с мечом. У нас только кинжалы...

Готик посмотрел – и разинул рот. Авидар стоял в полуприседе, вполоборота, приподняв правую руку почти горизонтально на уровень груди и держа меч обратным хватом, лезвием не к вероятному противнику, а от него. Вторая рука, тоже сжатая в кулак, была приподнята так, словно в ней уже обычным, прямым хватом был зажат второй кинжал или щит, но чуть-чуть отведена в сторону и вниз – слишком низко для защиты. Скорее, для нападения с двух рук.

– Кинжалы, – со странной интонацией протянул брат Квактол. – И как, интересно, ими сражаются?

Несколько секунд горец смотрел на рыцаря исподлобья, а потом мягким кошачьим шагом сдвинулся с места...

Ахнув, остальные ученики поспешили отпрянуть в разные стороны: меч, повинаясь движению кисти Авидара, описал полукруг, начиная движение откуда-то сбоку и снизу. Сам наставник отшатнулся назад, когда перед ним завертелась железная полоса. Было бы их две, смотрелось, наверное, завораживающе.

Крутанув клинок несколько раз и сам раскрутившись вслед за ним на пятках, Авидар остановился в двух шагах от брата Квактола, вернувшись в ту же позу, словно ничего и не было.

– Видел, – кивнул тот. – Впечатляет. Особенно вот это!

Он ткнул пальцем в локоть юноши, и только тут все заметили, что рукав куртки горца распорот наполовину и в разрезе видна длинная царапина.

– Это случайно, – промолвил юноша, опуская руку.

– Случайность то, что ты вообще взял в руки оружие, – отрезал рыцарь. Со всех сторон раздались смешки. Юнист и Юрат – те так просто презрительно кривили губы, мол, куда лезет этот неумытый дикарь?

– Быстро к брату-лекарю, пусть промоет рану от возможной заразы, – распорядился учитель фехтования. – И сегодня ты не занимаешься, а стоишь рядом и смотришь. Отдай меч.

– Великовата игрушка для такого малыша, – фыркнул Юнист. – Может, тебе сначала палочкой попробовать помахать?

– Ладошку занозит ребенок, – поддержал его Юрат.

– Тогда придется ее мягкой тряпочкой обмотать, чтобы дите не поранилось! – с преувеличенной заботой высказался Юнист.

Авидар даже не взглянул в их сторону, хотя стоявший сбоку Готик видел, как дернулся у него уголок рта. Но горец спокойно подошел и, наклонившись, положил меч к ногам наставника. После чего, отступив на шаг, поклонился еще раз и ушел в сторону монастырского сада, на краю которого была устроена лечебница.

– А вы чего застыли? – вернул всех с небес за землю окрик рыцаря. – Встать в круг! Руки в стороны! Шире круг! Шире! Встать так, чтобы меч в правой руке не касался левой руки вашего товарища... Вот так! И начнем с самого начала.

– А может, что-нибудь посложнее? – не выдержал Юнист. – Тут, между прочим, некоторые уже это умеют... С десяти лет!

– Как вы умеете, я только что видел. – Брат Квактол как ни в чем не бывало кивнул подбородком в ту сторону, куда ушел горец. – Ему еще повезло, что это всего лишь царапина! А ты, видимо, давно не отжимался? Десять раз!

Юный рыцарь скрипнул зубами, но послушно положил меч и растянулся на земле. Готик завистливо вздохнул. Юнист почти постоянно нарывался, комментируя замечания наставников, но отделялся только этими показательными отжиманиями. В то время как за минувшие месяцы почти половина группы побывала на гауптвахте и за меньшие нарушения. Исключение составил пока только Готик – не потому, что его еще не наказывали, а лишь потому, что для него отсидку «на губе» заменили той осенней пробежкой под дождем.

Авидар вернулся примерно через полчаса в наброшенной на плечи куртке. Правая рука его была скрыта под одеждой, и он придерживал левой расходящиеся полы.

– Стой тут и смотри, – распорядился наставник. – Запоминай. Как рука?

– Брат-лекарь сказал, что рана чистая. Он ее промыл и наложил тугую повязку. Думаю, скоро заживет.

– Думать за тебя должны другие – твои наставники, твой командир, гроссмейстер Ордена, – оборвал рыцарь. – Во всяком случае, пока ты не стал полноправным драконоборцем.

– А я им стану?

Золотисто-янтарные глаза взглянули на наставника в упор. Было в них что-то... что-то такое, отчего драконоборец почувствовал настоящее желание схватиться за оружие, и желательно боевое. В этих глазах был вызов и то самое «что-то»...

– У тебя уже есть два взыскания, – проворчал он. – Получишь третье – вылетишь из Ордена.

Готик, стоявший в кругу, даже вздрогнул – такое лицо при этом стало у Яуниста.

– А вы что застыли? Продолжаем! – подхлестнул всех окрик наставника.

Вечером, между молебном и отбоем, у учеников, как правило, было немного свободного времени. В начале учебы уставшие за день юноши сразу ложились спать, и казарма затихала задолго до отбоя. Прошло время, ученики привыкли, приноровились к нагрузкам, которые больше не казались чрезмерными, и с каждым днем отходили ко сну все позже и позже. Одни болтали между собой, другие пытались привести в порядок одежду и обувь, третьи копались в своих вещах. Авидар, которого столь пустячная рана не освободила от занятий и общественных дел – по словам наставников, это было отличным наказанием за его самостоятельность, – присев на свою постель, осторожно стащил куртку и закатал рукав рубашки, рассматривая повязку.

– Что, малыш, бо-бо? – насмешливо протянул Яунист.

– Есть немного, – признал горец, сжимая левой рукой локоть правой.

– Ах, бедный ребеночек! Иди к дяде – тот подует на ранку, и все пройдет! – продолжал сюсюкать молодой рыцарь. – И какой же бяка осмелился обидеть нашего маленького мальчика? Кто такой нехороший? Кого мы сейчас отшлепаем и в угол поставим?

– Да ладно тебе, – сказал Готик. – Что ты к нему прицепился?

– А тебе-то что за дело? – встрепенулся Яунист.

– Не обращай внимания. – Авидар крепче стиснул локоть. – Ему скучно, вот он и пытается развлекаться, как умеет!

– В самом деле, – Пасак был настроен миролюбиво, – тут такая тягомотина! Каждый день нас гоняют до седьмого пота, словно вот-вот начнется новый Год Дракона! А всем известно, что он наступает только раз в двенадцать лет...

– Говори за себя, – покачал головой молодой рыцарь. – Сегодня кое-кто полдня отдыхал, пока мы там ржавыми железками размахивали.

– А тебе так понравились эти насмешки над мечами? – подал голос со своей койки Юрат.

– Я соскучился по настоящему оружию! – воскликнул его собеседник. – Ты должен это понимать!

– Понимаю и считаю унижительным для таких опытных воинов, как мы, даже братья за эти обрубки. Они более подходящи вон для этих. – Юрат кивком указал на Авидара и Садугу. Веснушчатый паренек покраснел так, что из глаз брызнули слезы. А вот горец и ухом не повел, продолжая нянчить свой локоть.

Видя, что насмешки молодых рыцарей его не задевают, Готик сам понемногу успокоился.

Постепенно казарма затихала. Разговоры увядали, юноши засыпали один за другим. Готик уже задремал, когда над ухом раздался тихий шепот:

– Эй!

Юноша распахнул глаза. В темноте над ним склонялось лицо Авидара – сегодня он был ночным дежурным по казарме и должен был не спать до рассвета.

– Чего тебе?

– Пошли!

Вылезать из теплой, только-только нагретой постели не хотелось, но и послать полуночника подальше сил и желания тоже не было. Готик накинул куртку на плечи и последовал за горцем.

Холодный ночной воздух вмиг выдул из-под одежды и из головы остатки сна. Хорошо еще, ветра не было! Да и отошли они недалеко, шагов на пять – семь от дверей казармы.

Обогнавший приятеля Авидар встретил его с двумя палками в руках.

– Понимаешь, в нашем племени на самом деле не знают и не умеют сражаться на мечах! – промолвил он. – А мне очень надо... Ты меня научишь?

– Я? – изумился юноша. – Но я сам еще учусь. Я даже не рыцарь, я всего лишь оруженосец.

– Рыцари меня учить и не станут, – усмехнулся горец. – А ты хотя бы покажи мне то, что знаешь сам.

– Хорошо. – Готик взял одну из палок. – Только недолго, а то мне спать охота. И это... тебе твоя рука не мешает сражаться?

– Нет, – улыбнулся Авидар. – Она больше не болит. У брата-лекаря чудесные мази.

– Тогда я покажу тебе правильную стойку. Смотри!

Сэр Лаймож еще раз пробежал глазами принесенный братом-алхимиком отреставрированный пергамент. Конечно, некоторые слова все-таки оказались утеряны – даже искусство алхимиков оказалось бессильно перед поступью времени, у некоторых отсутствовали окончания, но большая часть была восстановлена.

Безумный Лорд писал странно – отнюдь не стихами, а прозой, но столь вычурно строил фразы, словно нарочно хотел запутать своих последователей:

«Егда же на утренней заре восхождает сей гад, крыльцами рукоплещущий своими перепончатыми на полете, трепеща и заигрывая, о камни поскрести брюхо, то, что мелкой чешуей покрыто, а чешуя сия вся сотам подобна пчелиным восковым, но не цветом лишь или, паче тем, сладостным содержимым своим, так столь же плотно надето и надежно забронировано оно еси, так что негоже никоим образом ему брюхо сие о камни скрежещи...» – и так далее, и тому подобное. Пять листов пергамента были исписаны вдоль и поперек мелким кривым почерком, который сам уже был загадкой. Чтобы продрасться сквозь нагромождение и переплетение слов, распутать фразы, понять, где конец, а где начало, требовалось много времени – или особая, близкая к помешательству, гениальность. У Целока в избытке наверняка было второго. А вот у прославленного драконоборца – первого. Уже третий час, не разгибаясь, сидел он над письмами, время от времени делая кое-какие выписки на отдельные листы и прихлебывая давно остывший сбор лекарственных трав. И чем больше записей появлялось на этих листах, тем мрачнее становился магистр. Придворный поэт, если судить по его стихам – а в них сэр Лаймож тоже сунул нос, – каким-то образом сумел углядеть зерно истины. Он стал обладателем знания, на которое не имел права. Если только Целок догадается, что именно он узнал! Если он поведаст о своих догадках королю...

Отвернувшись к темному окну, ибо давно уже наступила ночь, магистр задумался. По словам его высочества, королю было доложено о результатах расшифровки, но Нерит Айнский был не в лучшем расположении духа и не стал вникать в суть. За минувшие месяцы

он ни разу не вернулся к этому разговору, тем более что королева забеременела, и у короля нашлось более важное и нужное для страны дело. Сейчас он может думать только о наследнике престола, но когда ребенок родится, счастливый отец непременно захочет обеспечить сыну спокойное будущее. И вспомнит о стихах Целока и о нем самом...

«Но будет поздно!»

Произнеся эти слова мысленно, сэра Лаймож понял, что решение принято. Значит, придворный поэт, который узнал слишком много, должен забыть эти знания или исчезнуть вместе с ними, желательно там, где его никто никогда не достанет.

В смежной каморке спал брат-секретарь, старый рыцарь, который служил секретарем еще у гроссмейстера Отинума. Поскольку он заодно ведал и финансовыми делами Ордена Дракоборцев, новый гроссмейстер не стал его трогать. Несмотря на возраст – ему уже перевалило за шестьдесят, – дело свое тот знал отлично. Но сейчас и он будет лишним. Значит, не надо его будить!

Самостоятельно одевшись, сэра Лаймож тихо покинул рабочий кабинет и, прихватив в передней оружие, направился к выходу. Чем меньше народа будет знать о его ночной вылазке, тем лучше.

Ночной воздух Школы встретил его прохладой, запахами земли и...

Стук палок? Шарканье ног? Сосредоточенное сопение? Голоса...

– Держи его ровнее. Вот так. И бей! Ну?

– Погоди, это надо так?

Свист рассекаемого воздуха, глухой стук – и изумленное:

– Ну, ни фиги себе! Как ты это делаешь?

– Я сделал что-то неправильно?

– Не знаю, но... Повторить сможешь?

Ненадолго отвлекшись, сэра Лаймож свернул на голоса. Удивительное зрелище предстало перед его глазами. За углом учебного корпуса на плацу, почти в полной темноте двое юношей тренировались на мечях. Вернее, они использовали простые палки, но даже в ночном мраке было видно, что один учит другого фехтованию. Вернее, переучивает, поскольку тот второй, светловолосый, время от времени начинает демонстрировать совершенно дикий стиль. Или ему только так кажется?

Нет, слишком темно! Подходить ближе боязно из опасения выдать себя. А он только что принял решение, от которого не хочется отступать. Мальчишки подождут. Он потом приглядится к ним, вычислит этого странного парня, попробует разгадать его тайну. А пока надо спешить.

Сэра Лаймож тихо попятился, отступая в тень за углом. Двое юношей, увлеченно стучащих палками, этого даже не заметили. Впрочем, они недолго оставались на плацу – уже через пару минут остановились перевести дух и вместе направились к казармам.

Гроссмейстер не стал брать коня, незачем беспокоить конюхов. Кроме того, на лошади через тайный ход не проедешь, пришлось бы сворачивать к воротам, а там стоят охранные заклинания. Нет, они его выпустят, но магический след останется. Если не сейчас, то по возвращении. А будет лучше, если следов окажется как можно меньше.

До города пешком было чуть менее получаса быстрой ходьбы, и за это время рыцарь успел обдумать свой план.

Ночью проникнуть за городские стены практически невозможно, если ты не рыцарь-дракоборец или не принадлежишь к преступному миру, который по ночам как раз и начинает активную жизнь. Побратимом сэра Лаймोजа в свое время был бывший грабитель. Никто не ведал точно, что двигало душой наставника юного тогда еще Лаймोजа, который, прогуливаясь в свой единственный выходной по городу, заметил казнь малолетнего преступника и остановил ее, взяв пятнадцатилетнего душегуба на поруки. Тот не дожил до своего

тридцатилетия совсем немного, в предыдущий Год Дракона закрыв наставника собой. Но на память сэру Лайможу остались кое-какие тайные знаки, читая которые, можно было отыскать заваленный и замусоренный сточный канал. По ним в городской ров сливали нечистоты. Иногда каналы засорялись, и городской магистрат либо скидывался и нанимал рабочих для очистки, либо забивал их и делал новые. Убийцы и грабители потом приспособливали брошенные каналы для своих нужд.

Одним из них и воспользовался рыцарь. Правда, брести пришлось по колено в осенней грязи, перемешанной с нечистотами, но одно заклинание напрочь отбило обоняние, а другое потом помогло отчистить одежду. Негоже ему разгуливать по городу, воняя, как канализация! А если остановит патруль?

Патруль его действительно остановил – практически на соседней улице. Какому-то чересчур ретивому служаке показалась подозрительной высокая закутанная в плащ фигура, быстрым шагомдвигающаяся вдоль стен домов. На окрик и предложение остановиться гроттмейстер послушно встал. Сцепил кончики пальцев в хитрую фигуру...

– А ну-ка, малый... – Стражник поднял повыше фонарь – жестянку с закрепленной внутри свечой. – Ты кто такой и куда идешь?

– *Слово мое ты услышь и запомни ответ*, – негромким вкрадчивым голосом произнес сэр Лаймож. – *Вот я стою – а вот меня уже нет. Это виденье – чего не увидишь в ночи! Сон тебе снится, – как баба, о нем не кричи.*

– Вот пакость! – Стражник моргнул. – Привидится же такое... Тьфу-тьфу-тьфу!

Он осенил себя охранным знаменем, после чего вернулся к своим товарищам, оставив «видение» продолжать свой путь.

Где находится королевский дворец, сэр Лаймож знал прекрасно и добрался до него без приключений. Заходить внутрь необязательно. В арсенале рыцарей-драконоборцев есть несколько заклинаний, на драконов они, как показала практика, почти не действуют, но вот на прочие существа оказывают свое влияние. Выбрав место в тени, где его не могла увидеть городская стража – а окрестности дворца охраняли с особым тщанием, – рыцарь прислонился к стене и тихо запел, не разжимая губ.

Заклинание *вызова* на драконов не действовало в том смысле, что с его помощью нельзя было выманить из пещеры забившегося в нее монстра. В лучшем случае дракон посылал вместо себя иллюзию, которую можно было довольно долго рубить мечами и дырывать копьями, пока настоящий дракон удирал. В худшем – к вызывавшему кидались все остальные обитатели этих мест, как обычные, так и нежить. Бывало, что и мертвецы, недавно захороненные, вставали из могил, если вызывавший по неосторожности вкладывал слишком много сил в заклинание. Удобно, кстати, в бою с превосходящими силами противника.

Тихая мелодия с непонятными словами лилась с неплотно сомкнутых губ рыцаря, проникала сквозь камни дворцовой стены в сам дворец, и где-то там в его недрах беспокойно заворочался в постели невысокого роста щуплый человечек со всклокоченными волосами. Сон был нарушен появлением прекрасной незнакомки. Обнаженная девушка, юная, как весна и столь же прекрасная, застыла в дверном проеме. Глаза ее сияли, как две звездочки, соблазнительное тело казалось отлито из затвердевших лунных лучей.

Мне холодно и скучно. Согреешь меня? – прозвучал голосок.

– Ты... откуда?

Издалека. Я случайно проходила мимо. Искала...

– Меня?

Может быть, и тебя. Идем со мной!

– Куда?

Там узнаешь...

Она протянула руку – внезапно захотелось припасть губами к этой нежной коже. Придворные красавицы недолюбливали поэта и шута из-за его непритязательной внешности, а служанки и простолюдинки были для его возвышенной души слишком грубыми и приземленными. Но в этой девушке чувствовалась порода.

– Ты из числа фрейлин принцессы?

А как ты догадался?

– Я вообще очень умный...

И красивый! Пойдем!

– А... разве нельзя здесь?

Думаю, нам на твоей постели будет слишком тесно. Я знаю более удобное местечко, там нам никто не помешает.

Она попятилась прочь по темному пустому коридору, и Целок, только кое-как набросив рубашку, рысцой поспешил за нею. Девушка была так хороша, так соблазнительна! Она была совсем рядом – только руку протяни! – и когда внезапно исчезла, поэт застонал от досады.

Ну что же ты? – Знакомый голосок заставил встрепенуться. – *Я тебя жду!*

Она стояла в дверном проеме, раскинув руки.

Иди ко мне!

Целок бегом бросился вперед, распахнув объятия – и с испуганным криком полетел вниз, на камни.

Завершив песню, сэр Лаймож выдохнул и коснулся кончиками пальцев вспотевшего лба. Дело сделано. Завтра поутру совершающая обход стража наткнется на обезображенное, разбившееся о камни тело придворного поэта и шута Целока. Особенного расследования проводиться не будет – никто ничего не видел, ничего не знает. Правда, особо дотошный маг может почувствовать, что на покойника незадолго до смерти были наложены какие-то чары. Но вряд ли кто-то когда-то сможет вычислить их автора. В крайнем случае, он скажет королю, что сие сделано для блага государства.

Глава 4

Не такой, как все

Школа Драконоборцев

Этот случай произошел три недели назад. С тех пор на тренировках горец стал выказывать некоторые успехи. Во всяком случае, у него получалось намного лучше, чем у несчастного Садуго. Над ним перестали смеяться, Юнист все больше помалкивал, не подкалывая Авидара. Правда, тот действовал в какой-то странной манере – он упрямо держался своей стойки, чуть расставив ноги, и все время пытался включить в работу левую руку. Увещевания наставника, что на левой руке будет щит, владению которым учатся отдельно, на него не действовали. И ничего удивительного, что сегодня новый наставник, брат Дайвен, решил напомнить о том случае.

Он встретил учеников на пороге учебного корпуса.

– Сегодня вы узнаете кое-что новое о себе, – произнес он. – Следуйте за мной!

Развернувшись четко, по-военному, он направился внутрь. Ученики затопали следом.

Пройдя темным, мрачным, как тюремные подземелья, коридором, брат Дайвен вывел юношей в пустой просторный зал, освещенный лишь рядом небольших узких окон где-то под потолком. В углах царил полумрак. Шаги гулко отдавались от стен, под ногами звонко клацали мозаичные плиты пола.

Выйдя на середину, наставник взмахнул рукой – и в потолке открылся люк. Столб света осветил подтянутую фигуру рыцаря. Это произошло так неожиданно, что некоторые юноши не смогли сдержать изумленных возгласов.

– Здесь вы будете заниматься магией, – объяснил брат Дайвен. – Конечно, кто-то из вас покажет большие успехи, кто-то – меньшие, но они есть в какой-то мере у каждого. Иначе вы бы не стали учениками нашей Школы – бездарей и тупиц мы не пускаем на порог! Здесь мы будем заниматься наведением и снятием чар.

– Но зачем нам это нужно? – искренне удивился Юнист. – Я думал, мы воины, а не колдуны!

– Во-первых, колдун тоже может быть неплохим воином. Кто такие боевые маги, вы, надеюсь, имеете хотя бы отдаленное представление?.. Магия – такое же оружие, и надо уметь им пользоваться или хотя бы знать, как им пользуются другие. Во-вторых, драконы, с которыми нам предстоит иметь дело, существа магические. Без элементарных знаний основ чародейства к ним не стоит и приближаться. Они владеют иллюзиями, могут перемещаться в пространстве, управляют ветрами и камнями. Я уж молчу про их огонь... Но это все вы уже знаете и без меня! Сейчас ваше первое задание – найти тут то, что скрыто от ваших глаз иллюзиями. Драконы известные мастера накладывать отводящие глаза чары. Ваша задача – распознать эти чары...

– И снять? – поинтересовался кто-то из юношей.

– Наложенные мною чары – простейшие. Они сами снимаются, едва задача будет решена. Приступайте!

С этими словами брат Дайвен повел рукой в пространстве – и на глазах изумленных учеников чуть в стороне, у стены, возникла небольшая кафедра, на которую он и взошел, сверху наблюдая вытянувшиеся, изумленные лица.

– Что застыли? Это было наглядное демонстрирование снятия иллюзии! Приступайте!

Юноши стали озираться по сторонам. Зал был пуст. Насколько можно было видеть, не имелось даже вбитых в стену гвоздей, на которых полагалось бы висеть плакатам или

наглядным пособиям. Мозаичный пол тоже выглядел гладким и лишенным любых зацепок. Исподтишка наблюдая друг за другом, ученики тихо двинулись в разные стороны.

– Не надейтесь, что кто-то найдет что-то за вас, – вещал наставник. – Вас двадцать, и два десятка... э-э... находок вы мне должны представить!

– Интересно, как он себе это представляет? – проворчал себе под нос Юрат. Молодой рыцарь стоял, озираясь по сторонам с таким видом, словно вокруг были враги и он ждал лишь первого движения, чтобы броситься в атаку.

Готик сделал несколько осторожных шагов. Не хотелось споткнуться о нечто невидимое. А вот интересно...

– Простите, учитель, – тут же послышался знакомый голос, словно Создатель услышал его мысли и вложил вопрос в уста другого ученика, – а что мы должны искать?

Все обернулись на голос Авидара – и у всех медленно отвалились челюсти.

– Просто я не уверен, что вот это, – горец похлопал ладонью по небольшой наклонной подставке, – предмет мебели...

Которого – Готик мог поклясться чем угодно, даже своей бессмертной душой – еще несколько секунд назад тут не было!

– Это – ваше рабочее место, – сообщил брат Дайвен. – И рад сообщить, что вы первым блестяще справились с заданием... За исключением вон того молодого человека!

Он указал куда-то вбок. Все обернулись и уставились на Садугу, который от столь пристального внимания покраснел, как девушка, и поспешил спрятаться за точно такую же подставку. Она стояла чуть в стороне, у противоположной от кафедры наставника стены.

– У вас великолепный потенциал, молодые люди! – провозгласил драконоборец. – Думаю, не ошибусь, если скажу, что вы сможете стать отменными мастерами иллюзий... если, конечно, не задерете нос от первой же похвалы и будете серьезно заниматься, развивая свои способности. А что застыли остальные? Быстро по своим рабочим местам и начнем урок!

Окрик подействовал, как удар кнута. Юноши шарахнулись в разные стороны. Кто-то со всего размаха налетел на доселе невидимую подставку, ушиб об нее ногу, но не стал вопить и возмущаться, а поспешил застолбить находку. Еще двое одновременно бросились к одной и той же подставке с двух сторон и едва не подрались за право назвать ее своей.

Готик слегка растерялся, не зная, что предпринять.

– Слева, – послышался тихий шепот Авидара.

– Что?

Горец шагнул к нему и схватил за тунику, подтягивая ближе.

– Два шага назад. Слева от тебя, – прошипел он.

– Ага!

Готик попятился, повел рукой вокруг себя – и пальцы нащупали деревяшку. Небольшая подставка появилась из ничего. При ближайшем рассмотрении она очень напоминала кафедру, на которой стоял брат Дайвен, отличаясь разве что размерами. Юноша осторожно встал на нее, ощупывая и поглаживая старое дерево. Не верилось, что только что он своими глазами наблюдал за магическим действием. Но ничего бы этого не было, если бы не...

Он поднял глаза. Горец стоял на своем месте и, поймав взгляд, подмигнул.

– Спасибо! Как ты это делаешь?

– Просто смотрю, – пожал плечами Авидар.

– Смотришь – и все? Но я тоже смотрел – и ничего не видел!

– Ты смотришь обычным зрением. А я жил в горах, где зачастую видения бывают обманчивы. Тебе кажется, что подо льдом – камни, делаешь шаг – и проваливаешься в ледяную воду. Тебе кажется, что этот мостик не выдержит и куропатки – но потом оказывается, что по нему свободно может пройти целое стадо овец. А если надо на глаз определить рас-

стояние между скал – допрыгнешь или нет? Или грозит ли тебе лавиной заснеженный склон? Да мало ли что!.. Вещи вообще не такие, какими кажутся.

– Золотые слова, будущий мастер иллюзий! – раздался голос брата Дайвена. – Вы так хорошо умеете разбираться в наведении чар?

– Э-э... не настолько, чтобы вы могли называть меня мастером, – быстро ответил горец, опуская глаза.

– Ну-ну, скромность хороша, но если похвала заслужена, ее стоит забыть и открыто признать свои достоинства. Вы где-то учились, юноша?

– Специально – нет.

– Значит, эти способности у вас врожденные?

– Не знаю.

Готик смотрел во все глаза и слушал во все уши. Авидар явно напрягся, почувствовав интерес брата-драконоборца к своей персоне. Юноша ощущал волнение и напряжение приятеля, как свои собственные. «Что делать, если спросит?.. Иллюзии... Сумею ли я...» Он даже помотал головой – обрывок чужой мысли ворвался в разум внезапно, как порыв ледяного ветра.

...Ледяной ветер воет в скалах, летит в глаза колючая снежная поземка... Под лопатками ощущается камень, впереди – пропасть, дорога только вперед... Надо сделать шаг – туда, вниз, во-он до того уступа... Но это невозможно! Чтобы одолеть пропасть, нужны крылья – или магия. «Что же ты застыл? Лети!» Толчок... шаг... миг падения, похожего на полет... Полет, похожий на падение... Камни...

– Юноша, что с вами? Юноша!

Готик открыл глаза и не сразу понял, что изменилось в мире. Потом до него дошло: он лежал на полу, видимо, упав с кафедры. Вокруг столпились удивленные, напуганные, заинтересованные соученики. Ближе всех, едва не сталкиваясь лбами – брат Дайвен и Авидар. В черных глазах горца – изумление, настолько странно перемешанное с каким-то иным чувством, что Готик уставился на приятеля, не слыша, что ему говорит наставник.

– Ты чего?

– Н-ничего. – Горец моргнул, и расширившиеся черные зрачки сузились опять, вернув его глазам природный золотистый цвет. – А ты?

– Что это было? Юноша, отвечайте!

Готик медленно сел, ничуть не удивившись, что его поддерживают под локоть. Голова слегка кружилась.

– Я... что-то увидел.

Со всех сторон послышались смешки – еще бы, все занятие было как раз на этом и построено, чтобы что-то увидеть! Только вот никто от увиденного не падал в обморок.

– Это был не обморок. – Драконоборец помог юноше встать. – Такое бывает очень редко – нужен стресс, чтобы проснулись магические способности. Их что-то пробудило. Что случилось? Вы что-то видели? Слышали? Ощутили?

– Ветер. – Готик нахмурился, вспоминая. – В скалах...

– Это я виноват, учитель, – быстро перебил его Авидар. – Наверное, вы рано меня похвалили – я рассказывал Готику о горах и о том, что в скалах все бывает не таким, как кажется. Ну и, наверное, немного перестарался... Или у него оказалось слишком живое воображение.

– Воображение – это прекрасно! – заявил драконоборец. – Настоящим мастером иллюзий не станете, не имея воображения. Но его стоит держать в узде, иначе вместо разрушения иллюзий вы начнете их создавать.

– А разве это плохо – создавать иллюзии? – хлопнул ресницами Авидар.

– Именно этим, юноша, занимаются драконы! Среди людей это настолько редкий дар, что я бы не стал даже развивать эту тему... Ну как? Вам лучше?

Готик покивал головой. Слабость прошла, дышалось легче. Он самостоятельно взошел на свое место, на всякий случай опираясь о крышку руками. Остальные ученики поспешили тоже вернуться на свои места.

– Итак, – заговорил брат Дайвен, когда в зале установилась относительная тишина, – я, с вашего позволения... Юноша, а вы что делаете?

Радуюсь, что на сей раз не он оказался в центре всеобщего внимания, Готик обернулся на голос учителя. Юнист нервно сжал кулаки. Как-то так получилось, что он оказался единственным, у кого не было своего «рабочего места». Девятнадцать юношей отыскивали так или иначе самостоятельно или с чьей-то помощью свои кафедры, а он – нет.

– Сэр, я... э-э... просто...

– Забыли? – участливо подсказал наставник.

– Да. Когда Готик упал, все бросились к нему, и я забыл про свою... свое место, – промолвил молодой рыцарь.

– Но сейчас, надеюсь, вы о нем вспомнили?

– Да.

– Тогда возвращайтесь на рабочее место – и приступим. Или вы его так и не нашли?

Юнист скрипнул зубами.

– Тогда что же вы забыли на моей кафедре практической магии? – правильно понял его заминку брат Дайвен. – Без наличия магического потенциала вам нечего делать в рядах драконоборцев.

– Но понет... поценти... дар у меня есть! – воскликнул молодой человек. – Иначе меня бы не приняли сюда!

Сказать по правде, Готик мог понять панику, которая внезапно зазвучала в голосе рыцаря. Попасть в Школу Драконоборцев считалось весьма престижным. Рыцари этого Ордена веками спасали мир от налетавших с северных гор драконов. За мирные годы они натаскивали учеников, успевая подготовить четыре группы, дабы в Год Дракона во всеоружии встретить крылатую опасность. Позором считалось быть отчисленным – не просто за какие-то нарушения, но за то, что ученик оказывался непригоден к службе. И если Юнист бездарь в магии, значит, его выставят за ворота в двадцать четыре часа. Его семье придется долго отмываться от этого позора, тем более что найдутся недоброжелатели, которые непременно напомнят: мол, моего сына не приняли из-за вашего, а он мог бы стать лучшим рыцарем...

Краем глаза он заметил, как напрягся горец.

– Охотно верю, что магический дар у вас присутствует, – кивнул брат Дайвен, – только он лежит отнюдь не в области снятия и наложения иллюзий. После занятий я предложу вам пройти дополнительный тест. А пока, раз вы не в состоянии занять свое место... займите чужое!

Ученики в удивлении стали переглядываться, пытаясь разгадать, что же имел в виду наставник. Пока они думали, Юнист принял решение и направился к оцепеневшему от неожиданности Садугу.

– Слазь, – процедил он. – Ты себе еще найдешь!

Веснушчатый паренек весь сжался. Садугу был самым маленьким и щуплым в группе, ему никто не давал больше двенадцати лет, хотя ему незадолго до принятия в Орден исполнилось пятнадцать. Он вечно оказывался последним, получал на занятиях больше всего замечаний и терпел подначки одноклассников. А теперь еще и это...

Опустив голову, он тихо сполз с кафедры, уступая ее сильнейшему.

– Это была наглядная демонстрация того, что за свое место в жизни, как и за саму жизнь, стоит бороться, – раздался голос брата Дайвена. – Мы – драконоборцы. Мы сражаемся с чудовищами. Потом вы узнаете, что, кроме тех драконов, которые ждут вас там, в горах, внутри каждого из вас живет свой дракон. И его тоже вы должны победить. А без этой первой победы все остальные не стоят и ломаного колечка в кольчуге... Вы двое на моих занятиях будете работать в паре!

Яунист и Садуго вздрогнули, оборачиваясь и уставившись друг на друга.

– Но, учитель! – дружно возопили они. – Вы это серьезно? Мне... с ним? Вместе?

– Только вместе, – безжалостно припечатал брат Дайвен. – И никак иначе! Потом, в поле, вы поймете свою выгоду. А сейчас...

– Простите, наставник! – Рука горца взлетела вверх. – У каждого из нас будет свой... напарник?

– Нет, – без запинки ответил тот. – Ибо пары образуются лишь в том случае, когда двое так или иначе дополняют друг друга. Когда встречаются две половинки одного целого...

Со всех сторон слышались смешки. Ученики стали оглядываться на покрасневшего при этих словах Яуниста. Тот злобно уставился на Садуго, по лицу которого было видно, что больше всего на свете он мечтает провалиться сквозь землю.

– Как в любви?

Новый вопрос горца вызвал взрыв откровенного смеха. Яунист зарычал в бессильной ярости, и Садуго шарахнулся от «напарника» в непритворном ужасе. Но брат Дайвен остался спокоен.

– Да, как в любви, – подтвердил он. – А вы, юноша, знаете, что это такое?

– Нет, – ответил Авидар. – Но мечтал бы встретить свою половинку.

– Вы еще очень молоды, – покачал головой драконоборец. – Иначе бы вы знали, что мало встретить любовь – гораздо важнее ее удержать... Но хватит лирики. Приступим к уроку!

Два часа пролетели незаметно. В один прекрасный момент брат Дайвен сошел с кафедры.

– Ну, хватит на сегодня! Все свободны... кроме некоторых.

С этими словами он несколько раз хлопнул в ладоши – и в задней стене бесшумно открылась дверь. Наверное, она тоже была скрыта иллюзией, потому что светлый прямоугольник, на фоне которого появилась незнакомая фигура, возник словно из ниоткуда. Скользящей походкой к кафедре приблизился еще один драконоборец. По странной прихоти судьбы, он был Готику знаком – это оказался сэр Альдон. Знаменитого поэта и мистика так или иначе успели узнать, и среди учеников слышались удивленные восклицания. А он спокойно облокотился на кафедру и окинул юношей внимательным взглядом.

– Можете забирать, – кивнул ему брат Дайвен. – Яунист, Готик, Пасак, Вильдо – два шага вперед. Ну и вот этих прихватите, – указал он еще на парочку.

Светлые глаза драконоборца по очереди скользнули по лицам названных. Не промолвив ни слова, он кивнул головой, показывая, чтобы юноши следовали за ним.

– А... простите, куда мы идем? – Яунист первым сделал шаг.

– Некоторые из вас, – снизошел до ответа наставник, – продемонстрировали достаточно слабые способности к магии иллюзий. Вам предложат пройти отдельный тест... С этим осторожнее, – добавил он для сэра Альдона, кивая на Готика, – у него только что проснулись способности.

У юноши при этих последних словах душа ушла в пятки. А пристальный холодный взгляд – словно ледяная сосулька вонзилась в грудь – только усилил чувство тревоги. Но ноги сами понесли его за старым мистиком.

– Простите, учитель! – Срывающийся голос догнал уходящих уже на пороге. – А можно мне с ними?

Авидар соскочил со своей кафедры.

– Нет, – ответил брат Дайвен, – будущие мастера иллюзий занимаются отдельно. Возможно, потом ваша группа будет поделена еще раз – если вдруг выяснится, что некоторые из вас сейчас раскрыли передо мной не все свои таланты. Но это мы выясним только в процессе обучения. Всем покинуть зал!

Эти слова были последними, что услышал Готик, – дверь за их спинами захлопнулась.

Этот зал чем-то напоминал турнирную арену – ровный овал, посыпанный мелким каленым песком, неглубокий ров по периметру и за ним вдоль стен – приподнятые на возвышение ряды скамей. Всего было четыре ряда, и самый последний терялся под полукруглым потолком, который представлял собой сложный витраж.

– Встаньте в центр, – сэр Альдон кивком указал, куда именно, – и слушайте во все уши. Мне еще предстоит узнать, по какому принципу вас отобрал брат Дайвен, но одно могу сказать – ваша магия отличается от остальных. Вполне возможно, что именно вам, когда настанет новый Год Дракона, в бою придется оказаться на острие атаки.

– Мы будем изучать боевую магию? – подался вперед Юнист.

– Сначала, – холодный взгляд старого мистика слегка остудил пыл молодого рыцаря, – я буду изучать вас.

Он сделал неуловимо быстрое движение двумя руками, словно сперва выхватывая что-то из воздуха, а потом отбрасывая, и юноши испустили хоровой вопль. Во рву ярко вспыхнул самый настоящий огонь! Он вмиг отделил арену от остального мира – все, что оказалось на той стороне, словно погрузилось во тьму. Остались лишь мелкий песок арены, несколько юношей и их наставник.

– Вот так, – прозвучал его спокойный голос. – Это – пламя. Ибо драконы – не только иллюзии, внушаемые ими слабым людям, но и огонь. Он бывает разным. И только от вас зависит, каким он будет – обжигающим и сметающим все на своем пути или ласковым теплом, дарующим защиту!

Огонь разгорался. Юноши попятились от края, глядя на языки пламени. Волны жара докатывались с каждой минутой все сильнее.

– Тут невозможно дышать! – прошептал Вильдо.

– Не дыши, – коротко бросил Пасак. Обернувшись на него, Готик заметил, что приятель сосредоточен и напряжен, как струна. По виску бежит капля пота, но весь он побледнел, словно ему было холодно посреди огня.

А вот Юнист вел себя как-то странно. Слегка разведя руки в стороны, молодой рыцарь озираясь по сторонам с таким видом, словно не верил своим глазам.

– О Создатель, – услышали все его взволнованный шепот. – Это... это прекрасно!

Откровенно говоря, Готик не мог с ним согласиться. Этот огонь... в нем было что-то странное. Юноша прекрасно знал, как выглядит *настоящее* пламя, и теперь никак не мог отделаться от ощущения нереальности происходящего. Что-то тут было не так! Но вот что?

– Надо выбираться отсюда, – услышал он голос Авальда, одного из избранных.

– Куда? – тут же откликнулся Юнист. – И зачем?

– Зачем? – эхом отозвался Пасак, зажимая себе рот ладонью. – Мы же сгорим!

– Куда угодно, – неожиданно поддержал его Вильдо.

– Трусые и слабаки! – фыркнул молодой рыцарь. – Огонь – это свет и тепло.

– Это – дыхание дракона! – заспорил Пасак. – А драконы...

– Чудовища, знаю, – отмахнулся Юнист. Волосы его развевались на невесть откуда взявшемся ветру, и казалось, что вокруг лица танцует темное пламя. – Но если бы вы только знали...

– Знаю! – неожиданно поддержал рыцаря шестой ученик, доселе молчавший. – Вы знаете, как можно потушить лесной пожар? Навстречу стене огня посылают другую стену. И они уничтожают друг друга! Просто пожирают сами себя!

– Ха! – гордо воскликнул Юнист с таким видом, словно сам только что до этого додумался. – Вот так мы и будем уничтожать этих тварей! Их же оружием – пламенем! А потом...

Он взмахнул рукой – и все одновременно испустили вопль. В тот же миг изо рва ввысь ударил столб пламени. Пальцы молодого рыцаря коснулись его, невредимыми прошли сквозь огонь, а когда столб опал, неожиданно выяснилось, что кисть Юниста превратилась в крошечный костерок. Каждый палец обволакивал огонек.

И тут до Готика внезапно дошло. Пламя было ненастоящим! Все это – языки огня, жар и свет – юношам просто-напросто внушили! И все поддались этому обману, а Юнист поверил в него настолько, что сумел каким-то образом разжечь настоящий огонь.

– Великолепно!

Громкий голос сэра Альдона раздался над ними, подобно грому с ясного неба. Пламя во рву погасло так же внезапно, как загорелось, и старый мистик шагнул к притихшим ученикам.

– В твоей душе пылает пламя, – произнес он, кладя руку на плечо молодого рыцаря. – Огонь очищает душу и тело, подобно страданиям. Они закаляют волю и разум. Но он же может и разрушать. Очень тонка грань между разрушением и очищением. Возводя на костер ведьму, мы подвергаем очищению ее душу, помогаем через перенесенные предсмертные страдания вознестись на небеса, к престолу Создателя, но причиняем ее телу невыносимые мучения. Будь осторожен, брат. Тебе предстоит научиться отличать одно от другого и сдерживать свои чувства, дабы не навредить там, где ты хочешь помочь.

– А пламя драконов, оно какое? – решил Готик задать вопрос.

Холодные глаза брата-поэта опять, казалось, вонзились в его душу, словно две льдинки.

– А сам ты как думаешь?

– Я думаю, такое же. Ведь, сжигая врага, самому дракону пламя не причиняет вреда.

Юнист насмешливо фыркнул. Наставник держал руку на его плече, и молодой рыцарь был чрезвычайно горд.

– Ты ошибаешься, – мягко произнес сэр Альдон. – Самому дракону пламя тоже причиняет боль. Но зверь идет на это сознательно, ибо за все в жизни приходится платить.

– Платить болью?

– А разве этого недостаточно? – фыркнул Юнист. На его ладони все горели язычки живого пламени, не причиняя молодому рыцарю вреда. Он смотрел на огонь с каким-то восторгом, в то время как остальные – с завистью.

– Мне кажется, нет, – пожал плечами Готик. – Вы, учитель, только что сказали, что, сжигая ведьму, священники очищают и возрождают ее душу, но в то же время причиняют телу невыразимую боль...

– Так-так. – Сэр Альдон внезапно опустил плечо Юниста и встал перед новым собеседником. – Продолжайте...

– Мне кажется, – Готик заговорил увереннее, чувствуя его внимание, – что боль, которая несет смерть, слишком высокая плата. Я думаю, что если платить страданиями тела за магию, то можно... можно искалечить и душу.

– То есть вы считаете, что, сжигая ведьму, палачи не делают добра?

– Для ведьмы и ее души – нет! Она же умирает в мучениях. А мучения и страдания, если их слишком много, не закаляют тело и душу, а ломают и разрушают. Душа того, кто много страдал, отнюдь не чиста, а черна от... – Он зажмурился, чтобы яснее представить образ, который внезапно мелькнул перед мысленным взором. – А черна от копоти и гари!

– Значит, огонь...

– Выжигает душу изнутри!

– И души драконов...

Со всех сторон раздался смех. Еще бы! Души драконов! Готик почувствовал смущение. Теперь его все засмеют за его «умничанья». Но сэр Альдон остался совершенно серьезен.

– Если вы говорите то, что чувствуете, молодой человек, то ваши мысли очень интересны. Ступайте, молодые люди, – добавил он, обращаясь к остальным. – А мы пока побеседуем...

– Это значит что? – Пасак попятился. – Мы не выдержали испытания?

– Ваш огонь горит внутри вас, юноша, – холодно ответил драконоборец. – Научитесь возжигать пламя в своей душе.

– А я? – Похоже, Юнист слегка обиделся.

– Вас мне особо учить нечему. Всему тому, что нужно знать драконоборцу, вас обучат другие. Главное – слушать наставников и уметь обуздывать то пламя, которое вы не в силах сдерживать.

Молодой рыцарь фыркнул, но отступил. А прославленный драконоборец шагнул вперед и положил ладони на плечи Готика:

– Смотрите мне в глаза, молодой человек!

Сопrotивляться пронзительному взгляду светло-льдиcтых глаз не было решительно никакой возможности. Юноша попытался отвести взгляд, но потерпел неудачу. Он оцепенел, как кролик перед змеей. Внутри все сжалось в болезненный комок, и лишь одна испуганная мысль билась в голове, как пойманная птица: «Что он хочет сделать? Я же ничего не умею... Я ничего не знаю... Я даже не чувствовал огонь... Я вообще ничего не чувствовал, кроме как...»

Лед... ветер... Яркий слепящий блеск отраженных от острых игл льда солнечных лучей режет глаз, выжигает слезы... Огонь тоже может быть холодным. Его прикосновения тоже причиняют боль, но это боль от холода... Боль от вонзающихся под кожу иголок, раздирающих плоть...

И чье-то теплое дыхание рядом:

– Я с тобой! Держись!

И падение превращается в полет – кто-то подхватывает его у самой земли, несет ввысь. Мимо проносятся скалы, слышен звон от разбивающихся о камни льдинок-ножей – ножей, которые теперь уже его не достанут. Свист крыльев. Обжигающее пламя чистого неба и далекого зимнего солнца. Оно дает такой яркий свет, что больно глазам – светит, но не греет.

Свет... Свет тоже может быть оружием...

– Молодой человек, что с вами? Очнитесь!

Голос доносится откуда-то издалека. Но в ушах свистит ветер, слова улетают куда-то прочь, теряются в ущелье. Остается только свист ветра и его обжигающие пощечины.

Хотя нет! Пощечины самые настоящие. Он сидит на каменной скамье «зрительного зала», а драконоборец размеренно хлопает его по щекам.

– Что со мной было? – Голос какой-то чужой.

– Магия. Это – магия, юноша. Вы что-нибудь помните?

– Ветер... Полет... падение... Лед! Я не выдержал испытания?

– Трудно сказать однозначно! Ответьте мне сначала на один вопрос: что, по-вашему, такое огонь?

– Огонь? – Готик задумался. – Это свет!

– Свет? – Холодные глаза блеснули.

– Свет, – уже увереннее кивнул юноша. – Огонь может быть разным – теплым и холодным, – но он всегда ярок. Пламя одной свечи не может поджечь целый дом – свече это не под силу! – но оно может озарить комнату светом.

– Да, но сколько пожаров случилось из-за упавшей свечи, – мягко возразил старый мистик.

– Это случайность. Ведь изначально свечи зажигают не для этого! Когда мы освещаем ими храм Создателя перед службой, мы же не собираемся его поджечь этими свечками! Назначение светильника – именно светить. В нем горит огонь, дарующий свет...

– Достаточно! – Жесткая ладонь шлепнула по колену. – У вас действительно редкий дар, юноша! Вы – телепат и, несомненно, мистик, но не такой, как все. Ступайте, поразмыслите над своими ощущениями. Но будьте осторожны – от пламени свечи можно поджечь костер, в котором может сгореть полмира!

– Вы меня отпускаете? – удивился юноша. – А как же занятия?

– Занятия окончились. Все разошлись.

Оглянувшись по сторонам, юноша заметил, что в погруженном в полутьму зале они сидят вдвоем. Судя по ощущениям, действительно прошло много времени. Ужасно хотелось пить.

– А мои видения, – вспомнил он. – Мне почудились полеты, скалы и...

– Это явно имела место телепатия, но вряд ли кто-то нарочно передавал вам свои мысли. Скорее всего, вы случайно «ворвались» в чье-то сознание. Это не совсем обычно. Я бы даже сказал, это из ряда вон выходящее...

Оборвав сам себя, он сделал знак – мол, ступай, мне надо подумать.

Поклонившись наставнику, Готик покинул зал. Пройдя узким коридором, очутился на крыльце – и едва не вскрикнул от неожиданности, когда сбоку у перил внезапно возникла знакомая фигура. Авидар стоял, прислонившись к стене, но резко выпрямился, когда на крыльце появился юноша.

– Наконец-то! – Горец сделал шаг. – Я тебя тут давно жду.

– Как же ты меня напугал! – искренне воскликнул Готик. – Нельзя же вот так сразу возникать!

– Мы только что занимались магией иллюзий, – подмигнул горец. – Кстати, как у тебя дела? Я беспокоился... С тобой все в порядке?

– Все нормально. Ты – что? Беспокоился?

– Да. – Авидар опустил голову, ковырнул носком башмака присохшую к ступеням грязь. – Понимаешь, это как бы моя вина... Ну, что ты в обморок упал. Я не хотел, веришь? Это случайно! Никто и никогда не врывается в мои мысли – ни родители, ни сверстники, ни даже шаманы. А у тебя это получилось с первого раза!

– Верю, – кивнул Готик. – Знаешь, мне там сказали, что я – не совсем обычный телепат. Что это значит?

– Могу предположить только одно – ты не такой, как все.

– Сэр Альдон сказал мне то же самое, – вздохнул Готик. Неожиданно накатила печаль. Как это, оказывается, тяжело – быть не таким, как все! У него даже учителя нормального нет...

«Зато есть я!»

Мысль пришла неожиданно, ясная и твердая, как взгляд золотисто-янтарных, удивительно теплых глаз.

В то же время в северных горах

Элдон устал бродить по этим залам. Огромные размеры его несколько утомляли – словно эльфы строили хранилище из расчета, что будут пользоваться им сплошь великаны...

Ну или драконы – с ее-то размерами! Человек казался букашкой рядом с высоченными колоннами, уходящими под потолок, рядом с провалами окон, словно нарочно устроенными так, что на каждый карниз легко мог усесться крылатый зверь.

Драконы... Горы были их родиной, с гор от начала времен шло все зло мира. Легенды гласили, что Создатель изначально хотел сделать землю плоской – одной большой равниной, чтобы удобнее было сверху взирать на тварный мир. Но Хаос все испортил – он вспучил мир, исказил его идеально ровные линии и создал горы, собрав поверхность земли в складки. И именно там, в складках первородных гор, где ближе всего было горячее нутро Хаоса, родились первые драконы. У каждого народа есть свой миф о том, как появились эти твари. Но все сходятся в одном – это был не самый радостный день для мироздания.

Между прочим, драконы тут были повсюду. Проходя мимо высоченной каменной стены, рыцарь приостановился, разглядывая многочисленные пиктограммы, покрывавшие ее снизу доверху. Изображения драконов, эльфов, других живых существ соседствовали с непонятными символами: то прямая стрела, то изогнутая, то кружок, то овал, то полукруг, то ломаная линия... Бродя от скуки по залам, Элдон не мог не обратить внимания на эти странные рисунки. И почему надо было покрывать этими росписями все стены всех залов? Насколько он мог заметить, повторений было очень мало – лишь отдельные символы были одинаковыми. Но вот их сочетание почти везде было разным – как буквы. Их ведь всего двадцать девять⁶, но они слагаются в тысячи слов в результате простой перестановки...

Замерев на месте, словно споткнувшись, Элдон уставился на стену так, словно впервые ее увидел. В результате простой перестановки! И как же он сразу-то...

Подсвечивая себе факелом, он пробежался вдоль стены туда-сюда, внимательно разглядывая пиктограммы. И беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: тут начертано что-то важное. В этом зале изображения драконов встречались заметно чаще, чем в соседних. И некоторые из них невольно привлекали его внимание.

Вот одно из них, какое-то странное. Дракона окружили со всех сторон. Но не похоже, чтобы зверь сражался с воинами – похоже, что он, склонив голову и расправив крылья, чего-то ожидает от стоящего перед ним... не человека, конечно, учитывая, сколько тысяч лет этим наскальным изображениям, а именно...

А, нет! Это не эльф! Это именно человек! Элдон подошел ближе, привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть. Человек! Древний человек был изображен рядом с драконом. И безоружный! И, судя по его свободной позе, по руке, которой он касался носа огромного чудовища, он не был и беспомощным пленником, ведомым на заклятие. Вокруг этой пары камень был покрыт наполовину стершимися символами. Наверное, они как-то объясняли происходящее – проблема в том, что рыцарь не знал древней письменности. Но, может быть, в Ордене найдутся умные головы, которые смогут расшифровать эти надписи? Может быть, тот же Иер Безухий прольет свет на эти изображения. Человек и дракон – не враги? Союзники? Соседи? Друзья?

Решение пришло мгновенно. Кинжалом отщепив от факела уголек, сэр Элдон хлопнул себя по бокам. На чем бы зарисовать эти знаки?

Что-то хрустнуло под пальцами. Ах да! В подкладку куртки были зашиты письма от гроссмейстера. Все, кроме этого, последнего, он уже уничтожил. Как же хорошо, что это осталось!

Подпоров подкладку, сэр Элдон торопливо извлек на свет сложенный лист. Развернул. Это письмо было коротким, сухим и по-военному четким:

«Элдон, не знаю, при каких обстоятельствах читаешь ты эти строки, но смею надеяться, что цель твоя близка к достижению. Надеюсь, Иер Безухий или кто-то еще помог

⁶ Столько букв в алфавите данного мира.

тебе добраться в Колыбель Ветров. Твой подвиг ждет тебя. Тебе нужно только исполнить мой приказ, не думая и не рассуждая. Все, что ты совершил по моему приказу и что еще только совершишь, – все это на благо человечества вообще и нашего Ордена в частности. Ты можешь навечно попасть в священные анналы Ордена Драконоборцев, ибо ты должен, не думая, не рассуждая, не медля убить первого попавшегося тебе на пути дракона. Пусть чудовищные твари не думают, будто они в безопасности! Ты должен это сделать. И, поверь, всякий рыцарь мечтал бы ныне оказаться на твоём месте. Так что вперед – и гордись выпавшей тебе честью!»

Элдон дважды перечел письмо и потом еще раз его вторую половину. Один из пунктов Устава Ордена гласит, что младшие подчиняются старшим, а ученики – наставникам. Сэр Лаймож был личным наставником молодого Элдона, и тот вдвойне готов был подчиняться приказам гроссмейстера, не задавая лишних вопросов.

Он бросил взгляд на заинтересовавшую его картинку. Символы стоит перерисовать углем на оборотную сторону письма. Когда вернется в Орден, он отдаст записи гроссмейстеру.

Быстро набросав те символы, которые сохранились лучше всего и не допускали двойных толкований, Элдон спрятал пергамент на прежнее место, за подкладку, и подошел к огромному провалу окна, размышляя о том, как ему лучше исполнить приказ.

Здесь, в северных горах, царила зима. День за днем снег засыпал ущелье, и недалек тот день и час, когда придется поворачивать на юг или стараться отыскать удобную долину для зимовки. В седельных сумках драконоборца было много вещей для выживания в экстремальных ситуациях – это было частью подготовки молодых рыцарей в Ордене, – но что делать с лошадьми? Конек Иера, рыцарский жеребец самого Элдона и выючный мерин. Где взять для них столько овса и сена? На подножном корме они долго не протянут. Не пришлось бы забить боевого рыцарского коня! А ведь он прекрасно обучен и в бою сражается наравне со всадником. Каждый рыцарь выбирает себе личного коня, с которым разлучается только в случае болезни, смерти или старости.

Из огромного окна открывался прекрасный вид на долину и заснеженный склон, который наискосок пересекала лестница-дорога. Ветра частично сдули снег со склонов, и тут и там виднелись проплешины мерзлой земли, покрытой заиндевевшей травой. Там сейчас бродили лошади, стуча копытами и пытаясь добыть себе корм. У невысокого лохматого конька Иера это получалось лучше, но ставший вожаком в этом маленьком табунке жеребец Элдона довольно часто отгонял его от травы, забирая чужую долю. Ничего удивительного – каждый выживает как может...

А надо всем этим, на склоне неподалеку, сложив крылья, уютно устроились два небольших серебристо-серых с грязно-белыми разводами на шкурах молодых дракона!

Подростки улетели из племени, чтобы побыть вдвоем. Им особо никто не препятствовал, хотя самочка лишь недавно вышла из младенческого возраста. Все знали, что эти двое рано или поздно образуют пару – браки у драконов заключались один раз и на всю жизнь, и если один погибал, второй обычно оставался одиноким. И даже если образовывал пару с кем-то еще, потомства в таком вторичном союзе практически никогда не бывало. Поэтому родители и старейшины никогда не спешили разбивать образовавшиеся пары.

Вдоволь наигравшись с ветром, двое влюбленных устроились на скалах, раскинув крылья и нежась в лучах редкого зимнего солнца. Самочка сверкала новой чешуей – ее слегка затянувшаяся линька завершилась только недавно, краски еще не успели потускнеть, и солнце играло на серебристо-серых гранях ее чешуек, заставляя их переливаться всеми цветами радуги. Ее друг был немного темнее, на его боках были заметны грязно-серые пятна. В будущем, когда он перелиняет последний раз, его шкура окончательно станет двухцветной.

В прежние времена такие пятнистые драконы не имели шансов создать семью – самочки предпочитали их однотонных собратьев, но в последние века, когда все больше и больше молодых погибало в расцвете сил и лет, и у «нестандартных» самцов появился неплохой шанс. Тем более когда это – племянник самого вождя клана.

«Как здесь красиво! – Самочка окинула взглядом долину и старинные развалины. – А там что?»

«Какой-то храм, наверное... Надо спросить старейшин – они знают».

Самочка склонила точеную головку набок, рассматривая строение. Размеры его позволяли драконам пробраться внутрь. Интересно, что там внутри?

Самец искоса любовался своей подругой.

«Ты очень красивая!» – вывалось у него.

«Правда? Лучше этой выскочки Гаррет?» – Расправив крылья и изогнув шею, самочка бросила на спутника кокетливый взгляд.

«Намного лучше! Я же выбрал тебя!» – Он затряс головой. Гребень на его голове слегка порозовел от прилившей к коже крови.

«Я знаю». – Она придвинулась ближе, позволяя обнять себя крылом. Голова ее, лишенная гребня, как у самца, склонилась на грудь. Полупрозрачная пленочка затянула золотисто-янтарные глаза...

Но только на миг. В следующую секунду они широко распахнулись, и самочка оттолкнула самца:

«Что это там? Смотри! На склоне!»

Зрение драконов на порядок острее человеческого, так что рассмотреть, что же привлекло внимание его подруги, для самца не составило труда.

«Чуть ниже развалин?» – на всякий случай уточнил он.

«Да. Что это за существа?»

«Кажется, я таких видел... Ну то есть похожих на таких! Дядя про таких рассказывал. Он их видел на войне с двуногими».

«Они разумны?»

«Нет».

«Они съедобны?»

«Да».

«Я хочу посмотреть на них поближе».

«Э-э-э... не советую. То есть они вкусные и все такое, но такие звери часто встречаются рядом с двуногими».

«Глупости! – Самочка затрясла головой. – Это же развалины! Тут во времена наших прадедов уже никто не жил. Они явно забрались сюда случайно. Или убежали. Ты со мной?»

«Я пойду первым!»

Самец никогда не бросит свою подругу, даже если они только-только соединили свои судьбы и у них еще нет общих детей. Он решительно тряхнул гребнем, который покраснел еще больше, и осторожно двинулся по склону.

На земле драконы скорее ползают и лазают, чем ходят. Они довольно неповоротливы и даже неуклюжи, теряя половину проворства и изящества. Вот почему драконоборцы всеми силами стараются заставить крылатого зверя опуститься на землю, где шансов у человека больше и разработаны специальные заклинания, которые не дают драконам взлетать. Осторожно озираясь по сторонам и поминутно пробуя воздух на вкус – не донесет ли он подозрительных запахов? – самец двинулся вперед. Самочка – за ним.

При их приближении одно из пасущихся животных прекратило вырывать из-под слежавшегося снега траву, вскинуло голову и, стукнув копытом, фыркнуло.

«Заметили! – Дракон обернулся к своей подруге. – Все, дальше я не пойду!»

«Понаблюдать можно и отсюда», – согласилась она.

«А может, переберемся куда повыше? – Самец поднял голову, озираясь. Развалины находились почти над ними. Не слишком удобно для драконов, привыкших, что выше – только небо. – Хотя бы вон на тот карниз!»

«Да ну, – закапризничала самочка и придвинулась ближе к другу. – Мне и тут хорошо!»

Сказать по правде, уступ, на который они забрались, был не настолько плох. Приличных размеров терраса, откуда открывался отличный вид на ущелье и пасущихся на склоне лошадей. Откуда-то тянуло дымом, но самец никак не мог понять, где что горит. Вроде бы развалины давно заброшены, жилья поблизости нет... Будь он чуть более опытным и чаще летай на равнину, он связал бы этот запах с появлением лошадей и сделал бы свои выводы. Но у молодого дракона не было большого опыта – его черед воевать и вплотную столкнуться с врагами настанет только через несколько лет, когда начнется следующий виток бесконечной войны.

К дыму прибавился новый запах. До чуткого слуха долетел слабый шорох. Молодой дракон вскинул голову, недоумевая.

Сгусток огня прилетел откуда-то сверху, после чего одновременно в загривок словно ударило ледяной глыбой. Магия! Молодой дракон попытался взмахнуть крыльями, но не смог даже шевельнуться. Не зная, надолго ли тело сковал паралич, он запаниковал и вскинул голову, цепenea от удивления и неожиданности.

Сверху, с карниза, на который он не так давно предлагал усесться, к нему спешил двуногий. Никогда не видевший его, молодой дракон тем не менее сразу все понял и плечом оттолкнул от себя подругу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.